

73-3
109846

В. Ф. ПУСТАРНАКОВ

«КАПИТАЛ»
К.МАРКСА
и философская
мысль
в РОССИИ

(Конец XIX — начало XX в.)



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1974

*«Капитал»
и философская школа
Г. В. Плеханова*

Среди виднейших марксистов России не было никого, кто бы в той или иной степени не принял участия в дискуссиях вокруг философских и социологических идей «Капитала», причем в трактовке идейного содержания труда Маркса, его значения для теории марксизма высказывались суждения самые разнообразные и часто противоречащие друг другу. Историко-философская оценка этих суждений представляет немалые трудности. Во всяком случае из простого сопоставления прямых высказываний тех или иных марксистов о «Капитале» очень трудно часто понять причины разногласий между ними. Если мы хотим ответить на вопрос, что поняли и особенно на вопрос чего не поняли русские марксисты из идей «Капитала» в доленинскую эпоху, если хотим уяснить, почему именно в условиях ленинского этапа в философии марксизма стала возможной адекватная интерпретация философских основ «Капитала», то нам придется не раз обращаться к философскому первоисточнику марксизма. При этом хотелось бы максимально учесть достижения советских историков марксистской философии по освоению идейно-философского наследия Маркса и Энгельса, и в особенности философских идей «Капитала». В нашей стране по этим темам имеется богатая литература¹. По-

¹ См. В. А. Вазюлин. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968; Диалектическая логика в экономической науке. М., 1962; Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; он же. Логика «Капитала». — «Философская энциклопедия», т. 2. М., 1962, стр. 436—439; «Капитал» Маркса, философия и современность. М., 1968; Б. Касенов.

скольку, однако, в советской литературе в трактовке ряда проблем истории марксистской философии есть известные несоответствия точек зрения, автор стремился в этой области определить свою позицию, найти свой угол зрения, полагая, что только таким образом можно обеспечить самостоятельность суждений по вопросу об исторических судьбах философских и социологических идей «Капитала» в России, о роли тех или иных философов-марксистов в понимании, истолковании и применении Марксовых идей.

В главах, в которых анализируется отношение к философским и социологическим идеям «Капитала» в российской социал-демократической литературе, сравнительно много места отведено изложению ряда важных аспектов философских концепций Г. В. Плеханова, А. А. Богданова и их единомышленников. В данном случае «выход» за пределы непосредственной темы представляется совершенно необходимым потому, что, по нашему мнению, степень изученности многих аспектов философского наследия этих мыслителей является пока весьма неудовлетворительной. Более того, как нам кажется, по имеющейся литературе очень трудно составить более или менее цельное представление о некоторых наиболее отличительных чертах философии Плеханова и Богданова. Без указаний на ряд коренных принципов философии Плеханова и Богданова рассуждения об их отношении к философским и социологическим идеям «Капитала» неизбежно останутся на уровне чистого эмпирического описания. В конечном итоге анализ всего материала, касающегося идейной истории «Капитала» в России, приводит к выводу о том, что главные и решающие заслуги в понимании, истолковании, развитии и практическом применении философских и социологических идей великого Маркса труда принадлежат В. И. Ленину. Думается, что этот принципиально важный тезис нагляднее всего доказывается не только

Диалектика единичного, особенного и всеобщего в «Капитале» К. Маркса. М., 1963; Л. К. Науменко, Г. А. Югай. «Капитал» К. Маркса и методология научного исследования. М., 1968; З. М. Оруджев. Единство диалектики, логики и теории познания в «Капитале» К. Маркса. Баку, 1968; Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса. 1867—1967. М., 1968; М. М. Розенталь. Диалектика «Капитала» К. Маркса, изд. 2, доп. и испр. М., 1967; Философские вопросы в «Капитале» К. Маркса. М., 1968.

цитатами из ленинских сочинений, в которых прямо говорится о «Капитале». Ленинское отношение к философским и социологическим идеям труда Карла Маркса лучше всего вырисовывается при сравнительном анализе философских идей В. И. Ленина с идеями его великих предшественников и учителей — Маркса и Энгельса, с одной стороны, и при сопоставлении ленинской концепции с идеями других теоретиков международного социал-демократического движения конца XIX — начала XX в.

Первым русским философом-марксистом, высоко оценившим философское содержание «Капитала» и много сделавшим для пропаганды его идей, был Г. В. Плеханов. На ранних этапах своей жизни и деятельности Плеханов уделял основное внимание социологическим проблемам марксизма, т. е. проблемам исторического материализма и политической экономии, «исторической и экономической сторонам» марксистского мировоззрения. Именно в этой по преимуществу связи он и обращался к «Капиталу».

1. Проблемы исторического материализма

Непосредственно в связи с идеями, высказанными Марксом в «Капитале», Плеханов затронул ряд коренных проблем материалистического понимания истории. Среди них наиболее существенными являются темы: «Капитал» — как основное произведение научного социализма; о возможности применения социологической концепции «Капитала» к России; об отношении Марксовой экономической концепции к материалистическому пониманию истории и философскому материализму; соотношение общественного сознания и общественного бытия; общие и специфические законы истории; соотношение экономического базиса и идеологической надстройки; диалектика производительных сил и производственных отношений; классовая структура общества, закономерности классовой борьбы и социальных революций.

Первый марксистский опыт применения теории и метода «Капитала» к условиям России

Уже в работе «Социализм и политическая борьба» (1883), которую В. И. Ленин справедливо называл первым *profession de foi* (исповеданием веры) русского

социализма, Плеханов берет на вооружение «Капитал» для пропаганды идей научного социализма в России. Он особо подчеркивал роль этого труда Маркса, полагая, что «дело научного обоснования социализма было закончено лишь с появлением „Капитала“»². Для Плеханова, вставшего с 1883 г. на точку зрения научного социализма, задача состояла прежде всего в том, чтобы подвергнуть критике бытовавшие в то время в России либерально-буржуазные и народнические трактовки «Капитала». Плеханов решительно отмежевывается от буржуазно-либеральных интерпретаторов «Капитала», в частности от российских «катедер-социалистов» — И. И. Иванюкова и его соратников. «Они не понимают автора „Капитала“ или сознательно извращают его учение»³, — так характеризовал Плеханов позицию катедер-социалистов.

В 80-х годах, как и в предыдущем десятилетии, оживленно обсуждалась возможность применения учения Маркса в России. В противоположность народникам, отрицавшим применимость Марксова научного социализма в России и приписывавших автору «Капитала» «смешной вывод» о том, что Россия должна пройти совершенно те же фазы развития, которые были пройдены Западной Европой, Плеханов доказывал, что история западноевропейских отношений положена Марксом лишь в основу изложенной им в «Капитале» истории капиталистического производства. Но «общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни автор «Капитала», ни его знаменитый друг и сотрудник не исключают из своего поля зрения экономических особенностей той или другой страны; они только ищут в них объяснения всех ее общественно-политических и умственных движений»⁴. Одним словом, с точки зрения Плеханова в России может быть применена и методология материалистического понимания истории, как

² Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I. М., 1956, стр. 57.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Там же, стр. 72.

методология универсальная, и политико-экономическая теория «Капитала». В вопросе о том, «должна» или «не должна» Россия пройти через школу капитализма, Плеханов также занял позицию, противоположную народникам. Если народники спорили о том, следует или не следует из «Капитала» вывод о необходимости для России пройти стадию капитализма, то Плеханов истолковал значение книги Маркса иначе. «В «Капитале», — справедливо отметил он, — речь идет о ходе капиталистического развития, «обязательного» для тех стран, где это развитие имеет место»⁵. Плеханов следовал при этом прекрасному примеру автора «Капитала», который выучил русский язык и ряд лет изучал первоисточники для того, чтобы иметь конкретное представление о ходе экономического развития России. Русские ученики Маркса, говорил в этой связи Плеханов, верны ему в этом случае: они обращаются к экономической действительности своей страны и в отличие от народников не руководствуются каким-либо субъективным идеалом⁶.

Плеханов признал ошибочным тезис, согласно которому экономическая структура русского общества не имеет ничего общего со строем Запада, что Россия является такой же отсталой страной, как, например, Китай, хотя одновременно Плеханов усматривал в общественно-экономическом строе страны много «азиатчины». Он был также прав, когда говорил, что русский капитализм после 1861 г. добился больших успехов, что товарное производство в стране быстро шло на смену натуральному хозяйству, что общинные формы быстро разлагались и шел процесс создания нового класса — промышленного пролетариата. В распоряжении Плеханова имелось немало фактов, свидетельствующих о развитии фабричного производства и капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве, о растущих экономических и политических амбициях «среднего класса», об экономической политике самодержавного правительства в период и после реформы 1861 г. Опираясь на «Капитал», Плеханов пришел к выводу о том, что в России в силу внутренней, неизбежной диалектики товарное производство на известной стадии его

⁵ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 706.

⁶ См. там же, стр. 709—710.

развития превратится в капиталистическое, что российский капитализм может стать и уже становится полновластным хозяином России. В «Наших разногласиях» Плеханов стремится определить ту стадию, на которой находится Россия в своем развитии по пути капитализма: стадию охвата национальной промышленности мануфактурой⁷. Из политико-экономического анализа российской действительности Плеханов сделал принципиальный вывод о том, что пролетариат революционизирует общественные отношения в России, что именно он нанесет смертельный удар самодержавию и поэтому именно с пролетариатом должна связать свои надежды социал-демократия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих, — заявил Плеханов от имени молодой российской социал-демократии.

Не умножая числа дальнейших примеров, скажем, что Плеханов во многих случаях весьма успешно справлялся с задачей применения теории и метода «Капитала», если за исходный пункт брал конкретную российскую действительность. Работы Плеханова в первые два десятилетия его марксистской деятельности подтверждают это. Можно ли на основании имеющихся фактов говорить о том, что опыт Плеханова по применению в условиях России политико-экономической теории и метода «Капитала» всегда был вполне успешным? Увы, не всегда. Начнем с того факта, что на протяжении всей своей жизни Плеханов сравнительно мало занимался экономической теорией и экономическими конкретными исследованиями. Некоторые советские авторы — Ф. Я. Полянский, например, — считают, что нет оснований говорить об оригинальном решении Плехановым коренных проблем политической экономии; утверждается, что Плеханов вообще не был профессиональным экономистом и занимался экономическими проблемами как бы мимоходом, в своих полемических трудах, не связывая критику немарксистских экономических концепций с положительной разработкой теоретических проблем марксистской политической экономии. «Склонный искать разрешения теоретических споров в сфере дефиниций, Плеханов не имел достаточно вкуса к обработке фактического материала, статистики, первоисточников, а без этого невозможна была постановка больших и оригиналь-

⁷ См. там же, стр. 245, 251.

ных исследований, пример которых дают такие выдающиеся работы В. И. Ленина, как «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма» и др.⁸. Все это, по нашему мнению, в основном соответствует действительности. Как экономист Плеханов оказался не очень силен, когда обращался к политико-экономической проблематике «Капитала», и особенно слаб, когда нужно было применить его идеи в условиях России, особенно в начале XX в.

В трудах В. И. Ленина мы находим исчерпывающую характеристику политико-экономической стороны плехановского мировоззрения. Пожалуй, наиболее характерными примерами в данном случае могут служить ленинская критика плехановской трактовки сути революции 1905—1907 гг., а также плехановская позиция по аграрному вопросу и проблемам империализма.

Ленин соглашался с Плехановым в том, что в силу определенных экономических причин, вскрытых политико-экономической теорией марксизма, революция в России неизбежно является буржуазной. Это марксистское положение бесспорно, и его необходимо применять к условиям России. «Но его надо уметь применять, — подчеркивает Ленин в предисловии ко второму изданию книги «Развитие капитализма в России» (1908). — Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опощение марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом⁹. Отмеченный Лениным «нередко встречающийся» у Плеханова и его единомышленников изъян — самый главный недостаток в плехановском подходе к вопросу о применении экономического учения и метода Маркса в условиях России.

Примером неумения Плеханова применить к условиям России XX столетия экономическое учение Маркса являет-

ся также его ошибочная позиция по аграрному вопросу, составлявшему, по мысли Ленина, основу и национальную особенность буржуазной революции в России. Как доказал Ленин, Плеханов не понял соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией, что явилось основным источником всей его ошибочной тактики в период революции 1905—1907 гг. Плеханов допустил ошибку в вопросе именно об экономическом содержании «крестьянской аграрной революции», не понял марксистской теории о возможности двух путей, двух видов капиталистического аграрного развития в России. Как однажды заметил Ленин, в аграрном вопросе у Плеханова встречается даже не историко-материалистический анализ, а рационалистическая «игра словами». Одно время по аграрному вопросу Плеханов защищал позицию Маслова, открыто ревизовавшего экономическое учение Маркса. Плеханов оправдывался при этом тем, что он не хочет, мол, быть сектантом, и утверждал, что можно разойтись с Марксом и Энгельсом по тому или другому вопросу, оставаясь верным их концепции в целом и их методу. Иными словами, в аграрном вопросе Плеханов по существу признавал возможность сойти с Марксовой точки зрения. В этой связи Ленин, назвав Плеханова ангелом-хранителем аграрного ревизиониста Маслова, справедливо упрекал его в том, что он не только не критикует ревизионистские взгляды Маслова, но и вообще не защищает экономическую теорию Маркса.

Как бы то ни было странно, но Плеханов по существу просмотрел также содержание эпохи империализма. По его высказываниям выходило, что в развитии капитализма конца XIX — начала XX в. ничего особенного не произошло, как будто бы продолжался еще период традиционного, «классического» капитализма. Во всяком случае новейшей, последней стадии в развитии капитализма, являющейся стадией загнивающего капитализма, кануна социалистической революции он не замечал. Между тем в период первой империалистической войны вопрос об империализме, как справедливо считал Ленин, стал по существу самым значительным вопросом той области политико-экономической науки, которая изучает изменение форм новейшего капитализма. Плеханов, правда, немало писал и говорил об империализме и ссылаясь, в частности, на определение империализма К. Каутским. Но он подчеркивал

⁸ Ф. Я. Полянский. Плеханов и русская экономическая мысль. М., 1965, стр. 184.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 14.

по преимуществу политическую сторону проблемы. И недаром Ленин критиковал Плеханова за то, что он игнорировал по существу всю экономическую историю конца XIX — начала XX в. Ленин справедливо упрекал Плеханова в том, что у него конкретно-исторический анализ основных свойств и тенденций империализма как системы экономических отношений «новейшего высокоразвитого, зрелого и перезрелого капитализма» подменяется отдельными фактами по преимуществу политико-дипломатического характера. Плеханов-экономист оказался, таким образом, не на высоте именно в тот момент, когда особенно остро встал вопрос о творческом применении и развитии идей «Капитала» применительно к условиям коренным образом изменившейся по сравнению с прошлыми десятилетиями эпохи — эпохи империализма.

Можно привести еще немало число примеров того, что в тех или иных случаях Плеханов правильно понимал политико-экономические идеи «Капитала» и правильно их применял на практике. Не менее пространно можно говорить о допусках им конкретных политико-экономических ошибках. Но дело, по-видимому, не продвинется вперед, если мы ограничимся простой регистрацией уже давным-давно установленных плюсов и минусов, если не попытаемся «вписать» плехановскую политико-экономическую концепцию в общий контекст его мировоззрения.

Для мировоззрения Плеханова характерно, если можно так выразиться, «философическое видение мира». «Метод — это самое главное; если он верен, то по необходимости верны будут те результаты, к которым он приводит»¹⁰, — не раз говорил Плеханов, хотя понятно, что сам по себе даже правильный метод, если он применяется неверно, не может дать верных результатов. Приведенное высказывание Плеханова настолько глубоко пронизывало все его выступления, что Ленину и его единомышленникам не раз и по самым различным поводам приходилось в ответ Плеханову подчеркивать, что правильная методологическая схема не исключает, а, наоборот, предполагает детальное изучение конкретной действительности, что без анализа живой жизни даже правильный метод ведет к схематизму. (Отметим, однако, что иногда Плеханов, делая исключение из общего правила, утверждал, что от более или менее

¹⁰ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XV. М.—Л., 1926, стр. 22.

правильного метода можно прийти к ошибочному выводу, а от ошибочного метода — к правильному выводу.)

Плеханов справедливо считал, что по отношению к естественным и общественным наукам методологическую функцию выполняет философия. Но как он представлял себе механизм реализации этой функции? В прошлом, заявлял Плеханов, философия оказала огромные услуги естествознанию. Какие же это услуги? Философия занималась теми же задачами, что и конкретные научные исследования; она стремилась при этом или опередить науку, давая «свои собственные гадательные решения», или резюмировала и логически обрабатывала найденные научными решения. Ну а как быть с диалектическим материализмом? Перед диалектическим материализмом, по Плеханову, задача состояла в том, чтобы оказать соответствующие услуги прежде всего социальным наукам, поскольку «моральные и политические науки» оставались в действительности без научного обоснования и были полны противоречий. Задача диалектического материализма перед социальными науками, по Плеханову, состоит в том, чтобы освободить эти науки «из лабиринта противоречий». «По выполнении этой задачи, — ошибочно думал Плеханов, — философия могла бы сказать: *«Я исполнила свой долг, я могу уйти»*, так как в будущем *точная наука* должна сделать бесполезными *гипотезы философии»*¹¹. Не получилось ли так, что пока время точной науки не наступило, Плеханов больше полагался на философию, чем на науку, и на этом основании недооценивал, в частности и политико-экономического учения Маркса? Что же в таком случае привлекало Плеханова в «Капитале»?

«В «Капитале» изложена вся философия истории Маркса...»

Уже в ранних своих работах Плеханов специально выделял так называемый философско-исторический аспект «Капитала». Поскольку Марксова «философия истории», как остроумно выражался первый российский марксист, осталась для народников «непрочитанною главою любимой книги»¹², он считал своим долгом специально проанализировать эту часть учения Маркса. «Философско-

¹¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 148.

¹² Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 64.

историческая» часть «Капитала», по его мнению, органически связана с экономической концепцией Маркса, а также с Марксовым диалектическим методом и философским материализмом. Признавать экономические взгляды Маркса, одновременно отрицая его историческую теорию, как делали некоторые его зарубежные и русские «почитатели», невозможно, подчеркивал Плеханов. Это значит не понимать ни исторической теории, ни экономических взглядов Маркса. О чем говорится в первом томе «Капитала»? Там говорится, например, о стоимости, там говорится, что стоимость есть общественное отношение производства. Если не согласиться с этим — значит отказаться от своих слов насчет согласия с экономической теорией Маркса. Если же согласиться — значит признать его историческую теорию. Если признать, что существующие независимо от воли людей, действующие за их спиной, их собственные отношения производства отражаются в их головах в виде различных категорий политической экономии: в виде стоимости, в виде денег, в виде капитала и т. п., то значит признавать, «что на известной экономической почве непременно вырастают известные, соответствующие ее характеру идеологические надстройки». А это в представлении Плеханова «уже на три четверти» марксизм¹³. Поэтому Плеханов называл «Капитал» не только экономическим, но также и «историческим» сочинением, понимая под «исторической теорией Маркса» исторический материализм, Марксову «философию истории». ««Капитал», — писал он, — представляет собой, если вам угодно так выразиться, очень, очень странное литературное произведение. Сократ говорил когда-то о книге Гераклита: то, что я понял в ней, уже очень глубоко, а чего я не понял, то, вероятно, еще глубже. Совершенно так должен был бы отзываться о книге Маркса и русский «интеллигент», если бы только он обладал скромностью Сократа. В «Капитале» изложена вся философия истории Маркса. Но она изложена так, что, читая это сочинение, неподготовленный читатель может пройти мимо нее, даже не заподозрив ее присутствия. Вот почему у нас много «марксистов», держащихся старых идеалистических, то есть метафизических, взглядов на общественные явления»¹⁴.

¹³ См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 675.

¹⁴ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VI, изд. 2. М.—Л., 1925, стр. 405.

Признавая органическую связь экономического и социологического содержания «Капитала» с философским материализмом и диалектическим методом, Плеханов допускал одно время некоторые исключения из этого правила. Так, он предполагал, что «неокантианец, признающий справедливость экономической и философско-исторической теории автора «Капитала», в этих пределах может быть таким же верным и последовательным учеником этого знаменитого мыслителя, как и любой из современных материалистов, т. е. тех, которые следуют за автором «Капитала» также и в философии»¹⁵. Действительно, было время, когда некоторые деятели признавали себя учениками Маркса в политической экономии и в материалистическом понимании истории, но не принимали Марксов философский материализм и диалектику. Но весьма непродолжительный опыт показал, что никто из неокантианцев, противников диалектико-материалистической философии Маркса не остался «верным и последовательным учеником» Маркса ни в пределах политической экономии, ни тем более в области исторического материализма. Так было с «легальными марксистами», которые сначала кичились своей приверженностью политико-экономической и социологической концепциям Маркса, а затем открыто ревизовали их основы. То же стало с российскими социал-демократами, эмпириокритиками. Уступка Плеханова является в данном случае минусом в истолковании «Капитала».

Плеханов был первым русским марксистом, выступившим против вульгарной интерпретации исторического материализма в духе «экономического материализма». Он критиковал взгляд, согласно которому «автор «Капитала» придает политическому строю общества лишь самое ничтожное значение, считает его не заслуживающею внимания второстепенною частностью, которая не может служить не только целью, но даже и средством плодотворной деятельности»¹⁶. В противовес этим ошибочным взглядам Плеханов неоднократно развивал свои взгляды на взаимоотношение политики и экономики с точки зрения Маркса. Специально по этому вопросу он полемизировал с немецким историком Паулем Бартом и поддерживавшим его

¹⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV. М., 1937, стр. 147.

¹⁶ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 73.

Кареевым. Плеханов воспротивился не очень определенным разговорам об «экономическом факторе», «экономике» и впервые в России изложил материалистическое понимание истории, марксистскую социологию на языке Марксовых категорий: *общественное бытие и общественное сознание, способ производства, производительные силы и производственные отношения, экономический базис, политическая и идеологическая надстройка, общественно-экономическая формация, классы, классовая борьба, социальная революция* и т. д. В деле понимания, истолкования, популяризации и практического применения этих основных категорий социологической теории марксизма заслуги Плеханова велики. Идеи «Капитала» явились здесь для Плеханова одним из главных источников.

Следовал ли при этом Плеханов точно за Марксом или в понимании и истолковании Марксовых социологических идей у него была лишь для него характерная специфика? Нет ли в истолковании Плехановым исторического материализма особенностей, присущих именно его концепции? Ответ на этот вопрос положителен. Плехановский тезис о том, что исторический материализм — это *«философия истории» Маркса*, завязывает в один узел все частные социологические проблемы. В этом состоит и оригинальная и наиболее характерная особенность истолкования Плехановым социологических идей «Капитала». «Маркс, — говорил Плеханов в речи «Философские и социальные воззрения К. Маркса», — доказал, что экономический строй человеческого общества является основой, эволюцией которой объясняются все другие стороны общественной эволюции. И в этом его главная заслуга, более важная даже, чем то, что он дал в своем «Капитале» несокрушимую критику современного общества. Историческая теория нам впервые дала ключ к пониманию человеческой эволюции. От Маркса мы впервые получили материалистическую философию истории человечества»¹⁷. Когда Плеханов говорил о марксистской, материалистической философии истории, мы должны иметь в виду известную условность плехановской терминологии. Иногда он прямо заявлял, что это то, «что раньше называли философией истории». Но было бы глубоким заблуждением считать, что это попросту *façon de parler*. Мы имеем дело с такой концепцией

исторического процесса, которая стремится найти объяснение ему из одного принципа и в которой решается вопрос о «конечной» причине общественного развития.

Логически исходным пунктом истолкования материалистического понимания истории как «философии истории» является у Плеханова Марксов анализ в «Капитале» проблемы взаимоотношения человека и природы. «До Маркса, — писал Плеханов, — люди общественной науки исходили из понятия о человеческой природе; благодаря этому оставались неразрешимыми важнейшие вопросы человеческого развития. Учение Маркса придало делу совершенно другой оборот; *между тем как человек, для поддержания своего существования, — сказал Маркс, — воздействует на природу вне его, он изменяет свою собственную природу*. Следовательно, для научного объяснения исторического развития надо начинать с противоположного конца: надо выяснить, каким образом совершается этот процесс производительного воздействия человека на внешнюю природу»¹⁸. Таким образом, Плеханов обосновывает исходный пункт материалистического понимания истории — необходимость анализа способа производства.

Но Плеханову пришлось иметь дело с уже установленной традицией (в России, как мы помним, долгие годы широким влиянием пользовалась «модель Ткачева»; лично же Плеханов высоко ценил трактовку Марксова исторического материализма Бакуниным, которые мало чем отличались от ткачевских), приписывавшей историческому материализму в качестве исходного пункта понятие «экономика», которая рассматривалась как первичная причина всех общественных явлений. Плеханов же высказал мысль, что такая трактовка «экономики» возможна лишь в популярной речи. «Далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, «функция» производительных сил»; «основная причина общественно-исторического процесса есть развитие производительных сил»; «новое состояние производительных сил ведет за собой новую экономическую структуру, равно как и новую психологию, новый «дух времени»»¹⁹.

Итак, категория *«производительные силы»* оказывается в представлении Плеханова основной с точки зрения ма-

¹⁷ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 452.

¹⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 635.

¹⁹ Там же, стр. 645, 647.

териалистического понимания истории, средоточием Марксовой «философии истории», основной в том смысле, что через нее объясняется *развитие* в истории. Две другие категории: «экономия» или «экономическая структура» (так в данном случае верно квалифицирована совокупность производственных отношений) и «психология» (этим термином не совсем точно обозначается идеологическая надстройка) являются производными от одной и той же причины: или, иными словами, они представляют две стороны одного и того же явления, по Плеханову, «производства жизни» людей, их «борьбы за существование», в которой они группируются известным образом, благодаря данному состоянию производительных сил. Борьба людей за существование создает их экономию; на ее же почве вырастает и их психология²⁰.

Не будем придавать слишком большого значения терминологической неопределенности используемого Плехановым понятия «борьба за существование». Отметим пока совершенно определенную причинно-следственную связь, устанавливаемую им: причина — производительные силы; следствия — производственные отношения и надстройка; производительные силы представляются как «основная причина общественно-исторического процесса». Будучи диалектиком, Плеханов понимал, что причина и следствие могут меняться местами. Он признавал, что производственные отношения являются следствием, производительные силы — причиной, но следствие, в свою очередь, может становиться причиной, производственные отношения становятся поэтому новым источником развития производительных сил. Диалектику производительных сил и производственных отношений Плеханов представлял себе также в плане диалектики формы и содержания. Ссылаясь на Марксовы положения III тома «Капитала», Плеханов писал в полемике со Струве: «Производительное воздействие общественного человека на природу и совершающийся в процессе этого воздействия рост производительных сил — это *содержание*; экономическая структура общества, его имущественные отношения — это *форма*, порожденная данным содержанием (данной ступенью «развития материального производства») и отвергаемая вследствие *даль-*

²⁰ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 645.

нейшего развития того же содержания. Раз возникло противоречие между формой и содержанием, оно не «притупляется», а *растет*, благодаря не останавливающемуся росту содержания, который далеко оставляет за собой способность старой формы изменяться сообразно новым потребностям. Таким образом, рано или поздно наступает такой момент, когда становится необходимым устарение *старой формы* и замещение ее *новой*. Таков смысл марксовой теории социального развития. Кто понял этот вполне ясный и в то же время чрезвычайно глубокий смысл, тот понял также и революционное значение *марксовой диалектики* в ее применении к общественным вопросам»²¹.

Независимо от того, представляет ли себе Плеханов диалектику производительных сил и производственных отношений как диалектику причины и следствия или содержания и формы, он постоянно стремится свести весь социальный процесс к развитию производительных сил. Он настаивал на том, что экономическая структура общества, экономические отношения, не могут быть причиной самой себя, что экономические отношения не являются «последней основной причиной общественных явлений», ибо в противном случае «невозможно было бы понять, почему же изменяются эти отношения»²². «В действительности экономические отношения обуславливаются состоянием производительных сил и *изменяются благодаря* изменению этого состояния»²³. В 1901 г. в лекциях «Материалистическое понимание истории» Плеханов так формулировал «основную идею Маркса»: «1) *Производственные отношения определяют все другие отношения, существующие между людьми в их общественной жизни*. 2) *Производственные отношения в свою очередь определяются состоянием производительных сил*»²⁴. В дальнейшем основное содержание материалистического понимания истории Плеханов конкретизировал, выдвинув формулу «пятичленку»: «Если бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса—Энгельса на отношение знаменитого теперь «*основания*» к не менее знаменитой «*надстройке*», то у нас получилось бы вот что:

²¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 544—545.

²² Там же, стр. 277.

²³ Там же, стр. 277—278.

²⁴ Там же, стр. 658.

- 1) состояние производительных сил;
- 2) обусловленные им экономические отношения;
- 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе»;
- 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека;
- 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики»²⁵. Плехановская «пятичленка» является одной из формулировок, раскрывающих и конкретизирующих «коренной вопрос» («основное положение», «основную теорему») материалистического понимания истории, или материалистической философии истории. Согласно Плеханову, это — вопрос об отношении общественного сознания, мышления к общественному бытию, «хода идей» к «ходу вещей», к развитию экономических отношений.

Плехановская материалистическая философия истории и концепция производительных сил как основной причины общественно-исторического прогресса в свете социологического содержания «Капитала»

Если состояние производительных сил является первопричиной всего социального прогресса, то возникает вопрос: почему, по каким причинам, развиваются производительные силы? Вопрос этот постоянно стоял перед Плехановым. Нашел ли он удовлетворительный ответ на него?

Прежде всего мы должны обратить здесь внимание на большой интерес Плеханова к географическому фактору, о чем так много уже писалось и говорилось. Плеханова нельзя отнести к мыслителям, безусловно разделявшим принципы так называемого географического детерминизма. Он пропагандировал марксистский тезис о том, что социальное развитие имеет внутреннюю особую логику, справедливо говорил, что «взаимодействие производственных отношений и производительных сил является причиной социального движения, имеющего свою логику и независимые от естественной среды законы»²⁶. Но вместе с тем Плеханов не соглашался с теми мыслителями, которые, как он считал, совершенно забывали о влиянии географи-

ческой среды. Он придерживался концепции, согласно которой 1) влияние географической среды на социальное развитие человечества является не случайным, а закономерным; 2) в отличие от способности человека производить орудия и средства производства, являющейся постоянной величиной, географическая среда выступает как величина переменная, действие которой осуществляется различным образом и приводит к различным результатам в различные исторические эпохи; 3) влияние этого фактора — не непосредственное, а косвенное, оно реализуется через воздействие на состояние производительных сил, а через последние — на все социальные, в том числе и идеологические, отношения людей. В этом смысле следует понимать соответствующие высказывания Плеханова.

«В каждую данную эпоху характер производственных отношений определяется не «случаем» и не «природой» людей, а теми естественными условиями, среди которых людям приходится бороться за свое существование. От этих условий, и прежде всего от свойств географической среды, зависит состояние *производительных сил*, находящихся в распоряжении людей»²⁷; «...свойства географической среды обуславливают собою развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений»²⁸. На вопрос, какими причинами обуславливается развитие производительных сил, Плеханов твердо отвечал, что этот вопрос решается прежде всего указанием на свойства географической среды²⁹. Сказанное — убедительное свидетельство того, что Плеханов в известной мере отдал дань географическому детерминизму. Однако не налет географического детерминизма, как, впрочем, и не влияние некритического отношения Плеханова к философии истории Гегеля (одной из черт которой был объективизм), является наиболее характерной чертой его философско-исторической концепции. Центр тяжести концепции Плеханова лежит в его толковании теории Маркса о взаимоотношении производительных сил и производственных отношений, которую Плева-

²⁵ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 179—180.

²⁶ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 156.

²⁷ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 486.

²⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 153.

²⁹ Там же, стр. 153, 154 и др.

нов интерпретировал односторонне, сосредоточившись почти исключительно на доказательстве тезиса о том, что производительные силы являются кончной и основной причиной общественно-исторического прогресса, и недооценил многие другие аспекты Марксовской социологической теории.

Согласно Марксовской социологической концепции, развитой в «Капитале», природное начало предшествует общественному, является его первоосновой; естественное существует общественному и на последующих стадиях развития. В период становления человека и общества, выделения человека из царства животных, по Марксу, естественные и социальные законы переплетаются. И те и другие одновременно определяют развитие *становящегося* человеческого общества. Но в ходе борьбы естественного и социального последнее окончательно берет верх над первым. В «Капитале» Маркс анализирует, например, естественное разделение труда в пределах рода и семьи, возникающее вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической основе, и показывает, как разделение труда расширяет свою сферу вместе с расширением общественной жизни. Отмечает он и тот факт, что на ранних ступенях культуры различные общины находят среди окружающей их природы различные средства производства и различные средства к жизни и эти общины «различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам»³⁰.

Не дает ли факт возникновения человека и человечества из природного начала основание утверждать, что марксизм берет человека из рук биологической, скажем, науки, сплетаясь тем самым своими «низшими корнями» с «высшими ветвями» дарвинизма, как говорили некоторые российские социал-демократы-позитивисты? Какое содержание вкладывал Плеханов в свои сопоставления дарвинизма с марксизмом? «Дарвину,— писал он,— удалось решить вопрос о том, как происходят растительные и животные виды в борьбе за существование. Марксу удалось решить вопрос о том, как возникают различные виды общественной организации в борьбе людей за их существование. Логическое исследование Маркса начинается как раз там, где кончается исследование Дарвина... Дух исследования ре-

шительно одинаков у обоих мыслителей. Вот почему можно сказать, что марксизм есть дарвинизм в его применении к обществознанию (мы знаем, что *хронологически* это не так, но это неважно)»³¹.

В данном случае Плеханов прав в том смысле, что Маркс действительно не раз в «Капитале» ссылается на учение Дарвина. «Дарвин,— писал Маркс,— интересовался историей естественной технологии, т. е. образованием растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации?»³² Плеханов прав и тогда, когда отмечает, что первоначально человекоподобные предки, как и все животные, находятся в полном подчинении природы. Их развитие определяется естественными законами, в частности законами, открытыми Дарвином. В силу этих законов предки человека постепенно выделяются из царства животных. Но с тех пор как человек стал делать орудия, подчеркивает Плеханов, он начинает воздействовать на природу, производить. Мера власти человека над природой определяется степенью развития производительных сил. Природа, географическая среда, дала человеку первые орудия производства, и поэтому можно считать, что развитие производительных сил определяется здесь свойствами географической среды. В данном случае роль географической среды признается Плехановым постольку, поскольку природа, как считает он, дала первый толчок к развитию производительных сил. Все это весьма близко воспроизводит соответствующие идеи «Капитала», определенные фрагменты «мужественной, поразительно стройной исторической философии Маркса», как писал Плеханов³³.

Хотя Плеханов не очень осторожен в выражениях, когда выдвигает формулу «марксизм есть дарвинизм в его применении к обществознанию», его позицию нельзя сблизать с позицией обществоведов-позитивистов. Общественная жизнь, социальные процессы качественно

³¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 690.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 383, примечание 89.

³³ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 688.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 364.

отличны от естественных. Законы развития общества принципиально, качественно отличны от законов природы — вот что вполне осознавал Плеханов-диалектик в отличие от позитивистов-редукционистов. В одном месте, сопоставляя взгляды Дарвина на роль орудий труда в жизни животных и учение Маркса о роли орудий и средств производства в человеческом обществе, Плеханов специально подчеркивал, что при этом нельзя забывать диалектический закон перехода количественных изменений в качественные различия. «Применение орудий встречается у животных только в *зачаточном состоянии*. Их влияние на образ жизни последних *бесконечно мало*; напротив того, на образ жизни человека употребление орудий оказывает *решающее* влияние. В этом смысле Маркс говорил (далее Плеханов цитирует «Капитал»), что «употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда»³⁴.

На первый взгляд, нет ничего неправомерного в утверждениях Плеханова о том, что сама природа, окружающая человека географическая среда, дала первый толчок к развитию производительных сил. Тем более, что Плеханов подчеркивает рост значения производства на дальнейших этапах развития человека, увеличение роли общественной среды для развития производительных сил, в первую очередь — производственных отношений. Однако различие между позицией Плеханова и Маркса в данном случае есть. Отличие плехановской трактовки проблемы соотношения природы и общества от Марксовой концепции состоит в том прежде всего, что для Плеханова географическая среда, природа, как на ранних, так и на поздних ступенях развития, остается внешним фактором; у него речь всегда идет о том или ином влиянии географической среды на общественную жизнь, тогда как у Маркса суть дела состоит не в этом. С точки зрения Маркса социальная среда диктует то или иное отношение к среде географической. В жизни общества, по Марксу, функционируют не просто природные факторы как таковые, а только такие факторы, которые стали факторами общественного производства. Географическая среда — условие, а не одна из

причин развития производства. «Раз дано, — говорит Маркс, — капиталистическое производство, то, при прочих равных условиях и при данной длине рабочего дня, величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда и в особенности от плодородия почвы. Однако отсюда отнюдь не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства. Последний предполагает господство человека над природой. Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала»³⁵. Маркс хочет тем самым сказать, что, хотя естественные факторы являются неизбежным условием капиталистического общества, природа сама по себе не может ничего объяснить в происхождении капитализма и его производительных сил. «...Капиталистические отношения возникают на экономической почве, представляющей собой продукт длительного процесса развития. Наличная производительность труда, из которой капитал исходит как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей тысячи веков»³⁶. Одним словом, в историческом развитии, по Марксу, отношение человека к природе является результатом определенного способа производства. Из определенной формы материального производства вытекает не только определенная структура общества, но и определенное отношение людей к природе³⁷. У Маркса природа органично включена в историю человечества, она является предметом историографии. Поэтому Маркс и Энгельс подчеркивали, что они знают только одну науку, науку истории, которая, как всякая историография, должна исходить из природных основ и тех модификаций, которым они благодаря деятельности человека подвергаются в истории. Уже человек, который только что начал производить, имеет дело с модифицированной природой (к таким модификациям относятся, в частности, элементы природы, превращенные в органы его собственной деятельности).

³⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 151.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 522.

³⁶ Там же, стр. 520—521.

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 279.

Между идеями «Капитала» и взглядами Маркса на проблему «человек — природа», выраженными в его более ранних произведениях, вплоть до «Экономическо-философских рукописей 1844 года», имеется прямая и непосредственная связь. Они выражают изначальный Марксов *исторический* взгляд на природу и принципиальную Марксову установку на понимание исторического процесса как *самодвижения общества*, исключающего поиск определяющих причин общественного развития вне общества. В представлении Маркса *præius* (первичное, предшествующее) человеческого общества отличается от *præius*'а животного и растительного мира. Для животных и растений первичным, предшествующим является внешняя для них природа, следовательно, неорганическая природа, и их отношения к другим животным и растениям³⁸. Другое дело *præius* человеческого общества. «...Бытие людей, — пишет Маркс, — есть результат того предшествующего процесса, через который прошла органическая жизнь. Только на известной стадии этого процесса человек становится человеком. Но раз человек уже существует, он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и *предпосылкой* человек является только как свой собственный продукт и результат»³⁹. Вот этой глубокой диалектичности, полного осознания механизма самодвижения общества, несмотря на генетическую связь общественного с естественным, и недоставало Плеханову. Плеханов фактически всегда искал *конечную первопричину* общественного развития (производительные силы). И в поисках ответа на вопрос, почему развиваются производительные силы, от развития которых, по его мнению, зависят все общественные отношения, он так часто обращал свои взоры на свойства географической среды.

Социологические и экономические закономерности формулируются Марксом в «Капитале» на двух уровнях: абстрактном и конкретно-историческом. Так, Маркс вполне сознательно дает абстрактный анализ труда как процесса между человеком и природой, абстрактный в том смысле, что процесс труда берется независимо от его исторических форм. По Марксу, «в первый день производства»

³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. III, стр. 305-306.

³⁹ Там же, стр. 516.

функционируют два «первичных фактора, создающие продукт»⁴⁰, или два первичных создателя богатства — рабочая сила и земля. Что же представляет собой «человек и его труд» как один из первичных факторов производства? Человек становится человеком и развивается в качестве человека только через труд, как процесс, совершающийся между ним и природой. В трудовом процессе человек своей деятельностью «опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы». Для того, чтобы воздействовать на природу, он приводит в движение принадлежащие его телу силы: руки и ноги, голову и пальцы. «Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»⁴¹. Анализируя труд, Маркс берет его исключительно в общественной форме. Он совсем не рассматривает труд, который еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы. Свой анализ он начинает с периода, когда люди своим трудом уже выбились из первобытного животного состояния и когда их труд уже до известной степени стал общественным, то есть труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Такой труд как первичный фактор процесса производства носит сознательный, целесообразный характер. В конце процесса труда человека получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в его представлении, т. е. идеально. «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю»⁴².

Кроме человека и его труда простейшим элементом производства Маркс считал природу и ее материалы. Если рассматривать процесс труда «с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд — как производительный труд», пишет Маркс⁴³. Понимая, что

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 617.

⁴¹ Там же, стр. 188-189.

⁴² Там же, стр. 189.

⁴³ Там же, стр. 192.

такой ход мысли может вызвать недоразумения, Маркс остроумно замечает: «Представляется парадоксальным называть, например, рыбу, которая еще не поймана, средством производства для рыболовства. Но до сих пор еще не изобретено искусство ловить рыбу в таких водах, где ее нет»⁴⁴. В «Капитале» различаются две разновидности предметов труда — «предмет труда в природе» (добывающая промышленность: горное дело, охота, рыболовство, земледелие на целине и т. д.) и «предмет труда, уже профильтрованный процессом труда, и который сам уже является продуктом труда». Внешние природные условия подлежат в «Капитале» разделению именно с экономической точки зрения. Выделены «два больших класса»: естественное богатство средствами жизни, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п. и естественное богатство средствами труда: действующие водопады, судорожные реки, лес, металлы, уголь и т. д. На начальных стадиях человеческой истории решающее значение имеет первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства.

Перед нами, таким образом, примеры Марксова экономического анализа на предельно абстрактном уровне, когда конкретно-исторические формы производства не рассматриваются. Разрабатывая свой метод политической экономии, Маркс специально отмечал, почему необходим именно такой анализ, но тут же очерчивал пределы его применения.

Во «Введении» к «Экономическим рукописям 1857—1858 годов» Маркс пишет: «...Если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития — о производстве общественных индивидуумов»⁴⁵. Высказав эту мысль, Маркс здесь же продолжает: «Может поэтому показаться, что для того, чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо проследить процесс исторического развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой, например, с современным буржуазным производством, которое, в сущности, является нашей подлинной темой»⁴⁶. Маркс отвергает такой подход и настаивает на необходимости начать анализ с «производства вообще», а не с «производства на

определенной ступени общественного развития». «...Все эпохи производства, — пишет он, — имеют некоторые общие признаки, общие определения. *Производство вообще* — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Между тем это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многократно расчлененное, выражающееся в различных определениях. Кое-что из этого относится ко всем эпохам, другое является общим лишь некоторым эпохам. Некоторые определения общи и для новейшей и для древнейшей эпохи. Без них немислимо никакое производство»⁴⁷. Единство производства, указывает Маркс, вытекает уже из того, что всегда одними и теми же являются субъект производства (человечество) и объект (природа).

В литературе встречаются (в частности, со ссылкой на эти мысли Маркса) утверждения примерно такого рода: как, мол, ни важно выявить специфику законов каждой общественно-экономической формации, нельзя игнорировать общие законы, действующие во всех формациях. Думается, что в такого рода высказываниях, если точно следовать духу Марксовой мысли, акценты должны быть скорее составлены в обратном порядке. Настаивая, в соответствии со своим методом восхождения от абстрактного к конкретному, на необходимости фиксировать всеобщие определения, законы производства вообще, акцент Маркс делал все-таки на необходимости анализа законов отдельных общественно-экономических формаций. «Определения, которые действительны для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое вытекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа, — одни и те же, не было забыто существенное различие»⁴⁸. Раздел «Введения» к «Экономическим рукописям 1857—1858 годов», специально посвященный методологическим проблемам анализа производства, Маркс заканчивает следующими очень ясными словами: «Резюмируем: есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые *общие условия* всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с по-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 192, примечание 6.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 710—711.

⁴⁶ Там же, стр. 711.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 711.

⁴⁸ Там же.

мощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства»⁴⁹.

Дух такого методологического подхода к изучению исторического процесса в целом и отдельных его стадий, всеобщих и специфических законов истории пронизывает весь «Капитал». Именно на такой методологической основе изложен, например, в «Капитале» закон народонаселения, который у многих немарксистских экономистов и социологов излагался натуралистически как всеобщий абстрактный закон. «...Всякому исторически особенному способу производства, — пишет Маркс, — в действительности свойственны... особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек»⁵⁰. Аналогично Маркс решает вопрос о соотношении производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки и т. д.

В «Капитале» Маркса наличествует абстрактный анализ категорий производительные силы и производственные отношения безотносительно к их конкретно-историческим формам. Это — один, предельно абстрактный уровень анализа, который фиксирует и соответствующие закономерности. Но есть в «Капитале» и другой уровень рассмотрения. Когда речь идет о формулировках законов исторического развития, Маркс раскрывает эти законы только в связи с конкретной эпохой. Так, он анализирует диалектику производительных сил и производственных отношений не вообще, безотносительно к основным стадиям развития человечества, а применительно к определенным общественно-экономическим формациям. В разные исторические эпохи механизм взаимоотношений производительных сил и производственных отношений различен. С точки зрения Маркса оперирование лишь всеобщими категориями приводит к вульгаризаторству. Ошибку физиократов он видел, в частности, в том, что у них «материальный закон одной определенной исторической ступени общества рассматривается как абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми формами общества»⁵¹. Нельзя, по Марксу, понять закономерности,

действующие на данной конкретной стадии общественно-го развития, если исходить лишь из всеобщих категорий. Критикуя Шторха, Маркс писал, например, о невозможности понять надстроечные явления капиталистической общественно-экономической формации, даже в том случае, если в качестве исходной предпосылки берется тезис о первичности материального производства, но тезис, рассматриваемый абстрактно. Данное производство должно быть рассмотрено исторически, как конкретная стадия развития общественного производства. «Так как Шторх, — пишет Маркс, — рассматривает само материальное производство не исторически, рассматривает его как производство материальных благ вообще, а не как определенную, исторически развившуюся и специфическую форму этого производства, то этим он сам лишает себя той основы, на которой только и возможно понять как идеологические составные части господствующего класса, так и свободное духовное производство данной общественной формации. Он не в состоянии выйти за пределы общих, бессодержательных фраз»⁵². «Чтобы исследовать связь между духовным... и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать само это материальное производство не как всеобщую категорию, а в определенной исторической форме. Так, например, капиталистическому способу производства соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу производства. Если само материальное производство не брать в его специфической исторической форме, то невозможно понять характерные особенности соответствующего ему духовного производства и взаимодействия обоих. Дальше пошлостей тогда не уйдешь»⁵³.

Аналогичен подход Маркса и к анализу механизма развития производительных сил и производственных отношений. Хотя элементы производства одинаковы на всех исторических этапах, но каждая определенная общественная форма этого процесса развивает далее его материальные основания и общественные формы. В этом смысле именно производственные отношения каждой данной общественно-экономической формации являются, по Марксу, главной, решающей причиной развития производительных

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 714.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 646.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 12.

⁵² Там же, стр. 280.

⁵³ Там же, стр. 279.

сил. Категория «производственные отношения» выступает как основная категория социологической и экономической теории марксизма.

Маркс дал в «Капитале» блестящие образцы анализа диалектики производительных сил и производственных отношений в различных общественно-экономических формациях, показал, как неумолимые имманентные для данного способа производства законы сменяются законами другой формации⁵⁴. На примере капиталистической общественно-экономической формации мы можем увидеть, как Маркс представлял себе диалектику производительных сил и производственных отношений. «Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшественникам, протекает в определенных материальных условиях, являющихся, однако, в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни. Как те условия, так и эти отношения являются, с одной стороны, предпосылками, с другой стороны — результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последним»⁵⁵. Иначе говоря, капиталистический способ производства может возникнуть лишь при определенной степени развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Но коль скоро капиталистическое производство возникло, развитие присущих ему производительных сил и производственных отношений подчинено не неким всеобщим абстрактным законам, а имманентным законам данной формации, отличным от законов предшествующей формации.

Темпы развития производительных сил в капиталистическом обществе по сравнению с докапиталистическими формациями неизмеримо выросли. Для буржуазного общества характерно как бы безудержное развитие производительных сил и проистекающее отсюда массовое производство⁵⁶. Капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил⁵⁷. Но почему же производительные силы

капиталистического общества развиваются столь быстро по сравнению с докапиталистическими формациями? Ответ на этот вопрос мы находим в открытом Марксом основном экономическом законе капитализма, выражающем в концентрированном виде существо производственных отношений этого строя. «...Капиталистическое производство, — пишет Маркс, — только к тому и стремится, чтобы захватить возможно больше прибавочного труда, т. е. чтобы при помощи данного капитала материализовать возможно больше непосредственного рабочего времени — путем ли удлинения рабочего дня или путем сокращения необходимого рабочего времени, путем развития производительных сил труда, применения кооперации, разделения труда, машин и т. д., словом, путем производства в крупном масштабе, т. е. массового производства. В самой сущности капиталистического производства заложено, стало быть, производство без учета границ рынка»⁵⁸. Разумеется, безграничность развития производительных сил при капитализме это *только тенденция, возможность*, которая не может никогда реализоваться полностью, ибо у буржуазного способа производства есть определенный предел для развития производительных сил. Этот предел обнаруживается в кризисах⁵⁹. Вследствие своих собственных имманентных законов, пишет Маркс, буржуазное производство вынуждено, с одной стороны, так развивать производительные силы, как будто оно не является производством на ограниченной общественной основе, а с другой стороны оно может развивать их только в пределах этой ограниченности, и это обстоятельство является самой глубокой и самой сокроенной причиной кризисов, прорывающихся в буржуазном производстве противоречий. В рамках этих противоречий оно движется, и поэтому они характеризуют капитализм лишь как исторически преходящую форму⁶⁰. На определенном этапе производственные отношения капиталистического общества вступают в конфликт с развившимися производительными силами; и этот конфликт разрешается социалистической революцией. Основной экономической закон домонополистического капитализма — это «та специфическая экономическая форма,

⁵⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 89; т. 26, ч. II, стр. 587; т. 26, ч. III, стр. 491, 492.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 385.

⁵⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. II, стр. 586-587.

⁵⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 282-283.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. II, стр. 580.

⁵⁹ См. там же, стр. 586.

⁶⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. III, стр. 81.

в которой неоплаченный труд «выкачивается из непосредственных производителей» и которая «определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства»⁶¹. Это концентрированное выражение производственных отношений капиталистического общества.

Выше мы привели определения, которые в концентрированном виде выражают основное, главное, по мысли Плеханова, содержание Марксовой «исторической теории». Классическую формулировку своей социологической теории Маркс сам дал в «Предисловии» к «К критике политической экономии». Попробуем воспроизвести эту формулировку, разбив ее на «пункты» и выделив основные мысли, дабы сопоставление с плехановскими тезисами стало очевиднее. «Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем *руководящей нитью* в моих дальнейших исследованиях, может быть... сформулирован следующим образом. [1] В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — *производственные* отношения, которые соответствуют *определенной ступени* развития их *материальных производительных сил*. [2] Совокупность этих производственных отношений составляет *экономическую структуру общества, реальный базис*, на котором возвышается юридическая и политическая *надстройка* и которому соответствуют определенные *формы общественного сознания*. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. [3] На известной ступени своего развития *материальные производительные силы* общества приходят в *противоречие* с существующими *производственными отношениями*, или — что является только *юридическим* выражением последних — с *отношениями собственности, внутри которых* они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. [4] С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда *отличать*

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 354.

материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от *идеологических* форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это *сознание* надо объяснить *из противоречий материальной жизни*, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. [5] Ни одна *общественная формация* не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она *дает достаточно простора*, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют *материальные условия* их существования в *недрах* самого *старого общества*. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда *материальные условия* ее решения *уже* имеются *налицо*, или, по крайней мере, *находятся в процессе становления*. [6] В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как *прогрессивные эпохи экономической общественной формации*. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но *развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы* создают вместе с тем *материальные условия* для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается *предыстория человеческого общества*»⁶².

Сопоставим Марксовы формулировки с плехановскими и мы увидим, что если первые можно свести к одной, главной идее социологической «системы» — к идее производственных отношений (В. И. Ленин так прямо и говорил об этом, например, в «Философских тетрадах»), то Плеханов

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 6—8. Курсив мой.— В. П.

сводит Марксово понимание истории к идее производительных сил и следствиям их развития. Когда Маркс говорит о главном в материалистическом понимании истории, он не мыслит себе истории вне ее формационного членения, членения по характеру производственных отношений каждой исторической стадии. Неверно было бы думать, что Плеханов ничего не писал о формациях. Но взглянем на его «пятичленку», и мы увидим, что там, где дается обобщающая формула материалистического понимания истории, учение Маркса о формациях едва просматривается. Производственные отношения являются в Марксовом социологическом учении основной категорией. Производственные отношения представляют собой «рамки», в которых совершается развитие производительных сил каждой данной общественно-экономической формации. Плеханов же рассуждал несколько иначе. Основная причина общественно-исторического процесса, говорил он, есть развитие производительных сил. Их рост определяет его содержание. Производственные отношения, экономическая структура общества — это следствие развития производительных сил.

В определенном смысле — это верные положения, но далеко не достаточные для адекватного воспроизведения социологической теории Маркса. Плеханов пытался найти некий универсальный для всей истории закон и сформулировать его как закон развития производительных сил, из которого выводил все другие законы общественного движения, тогда как, по Марксу, такого универсального исторического закона нет. Пример анализа в «Капитале» одной, капиталистической общественно-экономической формации показывает, что развитие производительных сил данной формации, данного способа производства объясняется характером производственных отношений, господствующих именно на данной стадии развития общества, что для каждого способа производства характерны свои причины и источники развития производительных сил. Достаточно задаться вопросом, почему на стадии феодализма производительные силы развивались медленно, а на стадии капитализма — сравнительно быстро, чтобы убедиться, что неоднократные ссылки Плеханова на естественные условия, на географическую среду как причину развития производительных сил повисают в воздухе, поскольку эти факторы не объясняют главного в развитии производительных сил.

У Маркса в «Капитале» диалектика производительных сил и производственных отношений немислима без представления общественного развития не только в его целостности, непрерывности, но одновременно и в прерывности, как процесса поступательной смены общественно-экономических формаций. По Марксу, в каждый момент производительные силы общества выступают не только как причина, но и как следствие развития производственных отношений каждой данной общественно-экономической формации. В диалектическом взаимодействии производительных сил и производственных отношений в пределах конкретных общественно-экономических формаций кроется источник самодвижения человеческого общества. Диалектика производительных сил и производственных отношений не может быть понята, если ее рассматривать вне рамок поступательно сменяющихся друг друга общественно-экономических формаций, просто как абстрактный философско-исторический или общесоциологический закон, более или менее одинаково действующий во все исторические эпохи. Иными словами, эта диалектика производительных сил и производственных отношений может быть правильно понята лишь в том случае, если ее рассматривать конкретно-исторически. Производственные отношения оказывают на развитие производительных сил не просто обратное воздействие (что признавали многие, в том числе и Плеханов), а «определяющее обратное воздействие» (Маркс), они являются не просто «новым источником развития производительных сил», а основной формой и основной побудительной и определяющей причиной их развития. «...Все те производственные отношения, в которых движется процесс производства, суть в одинаковой мере и его продукты, и его условия»⁶³.

В свете социологического содержания «Капитала» плехановский тезис о том, что развитие производительных сил есть основная причина общественно-исторического прогресса, представляется абстракцией, которая, как и любая разумная абстракция (производство вообще, базис вообще, надстройка вообще и т. д.), выделяет общие моменты, фиксирует их и избавляет нас от повторений. К рассуждениям Плеханова о категории производительные силы мы должны отнестись так же, как Маркс относился

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. III, стр. 534.

к категории производство вообще, когда он говорил, что с помощью только общих моментов, зафиксированных в этом определении, нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства.

К каким бы работам Плеханова мы ни обращались, повсюду прослеживается одна и та же логика мысли. Плеханов вполне сознательно истолковывал исторический материализм как «философию истории» и полагал, что «общие философско-исторические взгляды Маркса имеют равно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту», что «они обнимают всю культурную историю человечества». В «Капитале», по Плеханову, и изложена вся его «материалистическая философия истории». С точки зрения Плеханова, основным элементом философско-исторической части «Капитала» является мысль о том, что на базе производственных отношений, на известной «экономической почве», которые определяются уровнем развития производительных сил, вырастает соответствующая идеологическая, политическая и иная надстройка.

«Материалистическое объяснение истории представляет собою *только метод*, ведущий к познанию истины в области общественных явлений, а не конгломерат готовых, законченных выводов». Почему первый русский марксист не верил в близкую возможность социалистического правительства в России ни в 1883, ни в 1905, ни в 1917 гг.?

Занятия Г. В. Плеханова теорией никогда не были самоцелью. В конечном счете теория связана у него так или иначе с его практикой революционной борьбы в качестве одного из вождей российской социал-демократии. Марксистская теория вообще, материалистическое понимание истории в частности имеет прежде всего методологическое значение, говорил много раз Плеханов, призывая не повторять общий абстрактный тезис о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, а изучать факты, обнаруживать причинные связи между конкретными явлениями, дабы выяснить, как на самом деле сознание определяется бытием. Конкретный анализ конкретной ситуации — основа для практического действия. Это требование материалистической диалектики стало также и лозунгом Плеханова. «...По прекрасному выражению Маркса, наша теория вовсе не есть *passé partout* (универсальная отмычка. — *Ред.*), избавляющая нас от необходи-

мости внимательно изучать отдельные общественные явления. Современная социалистическая теория — это *алгебра революции*, могущая дать нам только *алгебраические формулы*. Чтобы руководиться этими формулами на практике, мы должны уметь заменять в них *алгебраические* знаки определенными *арифметическими* величинами, а для этого необходимо принять в соображение все частные условия каждого частного случая. Только при таком положении этими формулами, они сохраняют свой живой, диалектический характер и не превратятся в мертвые метафизические догмы...⁶⁴ Как же Плеханов на практике применял материалистическое понимание истории, методологическое значение которого он не раз подчеркивал? Как ему удавалось заменять «алгебраические знаки» на «арифметические величины» применительно к потребностям российского освободительного и социал-демократического движения, т. е. той сферы его деятельности, которая для него на протяжении всей жизни была основной?

С точки зрения Плеханова, теория классовой борьбы является составной частью исторической теории, или «социальной философии», Маркса и Энгельса. Для него всякая революция была только последним актом в длинной драме сознательной, революционной, классовой, политической борьбы. С 80-х годов XIX в. тезис о том, что политическая борьба представляет собою средство социального переустройства, по Плеханову, — не только теоретическое положение марксистской теории. Это — историческая индукция, и «всякое учение, противоречащее этой исторической индукции, лишается значительной доли убедительности»⁶⁵. Иными словами говоря, Плеханов в данном случае демонстрирует стремление обосновать положения, имеющие значение практических лозунгов-рекомендаций, отталкиваясь от общественно-исторической практики, от реальной действительности, от опыта и уроков истории, анализ которых, естественно, должен вестись с методологических позиций марксизма. Этим «наведением», этой исторической индукцией Плеханов, однако, не ограничивается. Он выдвигает требование проверки индуктивных выводов, т. е.

⁶⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 95—96.

⁶⁵ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 80.

обобщения конкретного исторического опыта, дедуктивным путем, «принимая философско-исторические взгляды Маркса за посылки для наших выводов»⁶⁶. Взятые вместе оба плехановских принципа («наведение» и «дедукция») являются с точки зрения марксистской методологии в общем совершенно верными, действительно открывающими путь от теории к революционной практике, от величин «алгебраических» к величинам «арифметическим». Опираясь на такую методологию, Плеханов во множестве случаев блестяще справлялся с задачами, которые возникали перед ним как одним из лидеров российского социал-демократического движения. Но далеко не во всех случаях и не всегда. Если мы хотим понять, почему Плеханов не всегда был марксистом последовательным, а часто, в меньшевистский период своей деятельности в особенности, проводил вообще немарксистскую линию, мы должны обратить особое внимание на тот факт, что в общем и целом во всей деятельности Плеханова самым слабым пунктом было его слишком часто проявлявшееся неумение обобщать опыт истории, практический опыт конкретного революционного движения, неумение осуществлять «исторические индукции», если выражаться его же языком.

Неумение применять метод диалектического и исторического материализма — основная беда Плеханова. Его роковая ошибка — непонимание им эпохи империализма вообще, особенностей исторического развития России в частности, следствием чего явилось множество его немарксистских практически-политических установок. Объективно в плехановском марксистском мировоззрении образовался разрыв между теорией и практикой, хотя субъективно Плеханов стремился увязать практику и теорию. Разрыв этот создавался потому, что слишком часто у него практически-политические рекомендации были просто дедукцией из общих теоретических положений марксизма. Он уверовал в незыблемость многих «алгебраических величин» и не знал, как от них перейти к «величинам арифметическим». Доктринерство и догматизм — очень частные следствия такого стиля мышления Плеханова, его методологии. В качестве иллюстрации возьмем один из самых принципиальных теоретических и практически-поли-

⁶⁶ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 80.

тических вопросов российского революционного движения — вопрос о социалистической революции в России.

В 80-х годах Плеханов связывал исторические судьбы русского революционного движения с социалистическим переворотом в странах Западной Европы. Он надеялся, «что торжество рабочего класса в Англии или во Франции необходимо отразится на развитии всего цивилизованного мира, оно сократит господство капитализма в остальных странах». Но для Плеханова — это дело более или менее отдаленного будущего. А до тех пор в России капитализм должен стать полновластным хозяином⁶⁷. Придерживаясь такой точки зрения, Плеханов откровенно заявлял о том, что он не верит «в близкую возможность социалистического правительства в России»⁶⁸, выражая, правда, надежду на то, что «социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма»⁶⁹. Акцент делался Плехановым на неготовности России для социалистической революции. «Социалистическая организация производства, — доказывал он, — предполагает такой характер экономических отношений, который делал бы эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны и, следовательно, отличался бы весьма значительной определенностью». Но в России капиталистическая организация производства еще не сложилась, следовательно, «объективные общественные условия производства не созрели еще для социалистической организации...»⁷⁰ Степень готовности страны для социалистических преобразований определяется, по Плеханову, степенью ее экономического развития. От зрелости экономических отношений зависит зрелость политической, классовой борьбы труда и капитала. Именно развитие производительных сил «приближает эту борьбу к концу и обеспечивает торжество пролетариата»⁷¹. Итак, главный аргумент за или против социалистической революции — степень экономического развития страны, степень развития ее производительных сил. Когда в период революции 1905 года В. И. Ленин и большевики наметили в общих чертах перспективу перехода от буржуазно-демократи-

⁶⁷ См. там же, стр. 250—251.

⁶⁸ Там же, стр. 102.

⁶⁹ Там же, стр. 110.

⁷⁰ Там же, стр. 103.

⁷¹ Там же, стр. 305.

ческой революции к революции социалистической, Плеханов энергично запротестовал, ссылаясь на неготовность русского общества. Недостаточная степень развития производительных сил России опять стала для него решающим аргументом против В. И. Ленина и большевиков. Социализм, по Плеханову, это следствие развития производительных сил в капиталистическом обществе. Раз в России производительные силы недостаточно развиты, значит говорить о социалистической революции преждевременно. Буквально накануне Великой Октябрьской социалистической революции Плеханов снова утверждал, что русская история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма, и что очередным вопросом в России является развитие производительных сил на капиталистической основе.

Далеко не бесмысленным было обостренное внимание Плеханова к степени развития производительных сил России. И все-таки узкий горизонт его не вполне марксистского мышления сказался здесь самым явным образом. Он никогда не мог сказать, до какой же степени должны созреть производительные силы. В конце концов здесь неизбежно «срабатывали» его дедукции из общих философско-исторических установок, которыми подменялся конкретный анализ конкретной ситуации. В столкновении Г. В. Плеханова с В. И. Лениным и большевиками по вопросу о социалистической революции в России в конечном счете и в концентрированном виде проявились отход Плеханова от метода марксизма вообще, практически-политические следствия из «философии истории» Плеханова, в частности «философии истории», оказавшейся весьма сходной с «философией истории» «экономистов», которых он до 1903 г. энергично критиковал, а после 1903 г. не менее энергично защищал. Ведь именно у «экономистов», по выражению Плеханова, старушка история медленно ткала свою вечную ткань...

В теоретической полемике с международным ревизионизмом бернштейнианского толка особенно выпукло проявились черты Плеханова как революционного марксиста: «Великий общественный вопрос нашего времени, вопрос об уничтожении экономической эксплуатации человека человеком может быть решен, — как решались великие общественные вопросы прежнего времени, — только силой. Правда, сила еще не значит насилие: насилие есть лишь

одна из форм проявления силы. Но выбор той формы, в которой пролетариату придется проявлять свою революционную силу, зависит не от его доброй воли, а от обстоятельств. Та форма лучше, которая вернее и скорее ведет к победе над неприятелем. И если бы «насильственная революция» оказалась в данной стране и при данных обстоятельствах наиболее целесообразным способом действий, то жалким доктринером, — если не изменником, — оказался бы тот, кто выставил бы против нее принципиальные соображения вроде тех, которые мы встречаем у г. Бернштейна: «низкая культура», «политический атавизм» и т. п.»⁷² Придерживаясь многих принципов революционного марксизма, на практике Плеханов оказался на неревolutionонных, оппортунистических меньшевистских позициях. Объяснение этому факту должно искать не только в неумении Плеханова применять марксистскую теорию к практике российского революционного движения, но и в особенностях его собственного мировоззрения, в частности, в его понимании исторического материализма.

Хотя на II съезде РСДРП Плеханов поддержал в принципе основные положения работы В. И. Ленина «Что делать?», в которой была поставлена знаменитая проблема «внесения сознания извне», вскоре он изменил свою точку зрения, заметив, что ленинская концепция вступает в противоречие с его «философско-историческими» принципами. Ленину он приписывал теперь утверждения о том, что «масса есть лишь неодухотворенный сырой материал, над которым производит свои операции отмеченная печатью дара духа святого интеллигенция»⁷³, что Ленин пропагандирует якобы не марксизм, а «бауэризм», «новое издание теории героев и толпы»⁷⁴ и т. д. Сам Плеханов признавал, что в данном случае суть его спора с Лениным — это глубокое теоретическое расхождение. Не зря он говорил в одном месте, что вопрос об отношении социал-демократической интеллигенции к рабочему классу в том его виде, в каком он дебатировался в российской социал-демократии в начале XX в., представляет собою «одну из разновидностей коренного воп-

⁷² Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 393—394.

⁷³ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XIII. М.—Л., 1926, стр. 125.

⁷⁴ Там же, стр. 133.

роса «философии истории»: вопроса об отношении общественного «бытия» к общественному «мышлению»⁷⁵.

Когда споры большевиков и меньшевиков резко обострились, Плеханов «вспомнил», что начало борьбы «метафизического материализма Тулина» (т. е. Ленина) с «диалектическим материализмом Бельтова» (т. е. Плеханова) восходит к 1896 году⁷⁶.

О том, насколько серьезными были расхождения между Плехановым и Лениным в понимании именно теоретических основ марксизма, очень ярко свидетельствует выступление Плеханова на IV съезде РСДРП, где он настоятельно подчеркивал, что между ним и Лениным «существуют в высшей степени серьезные разногласия», которые «не надо затушевывать», но, наоборот, «надо выяснить себе во всей их важности, во всем их объеме». Плеханов понимал, что от того, как будет решен спор между большевиками и меньшевиками, «будет в значительной степени зависеть судьба всей нашей партии, а с ней и всей нашей страны». Дискуссия по аграрному вопросу дала Плеханову основание считать, что в этой дискуссии отражается капитальная альтернатива: «Бланкизм или марксизм, — вот вопрос, который мы решаем сегодня»⁷⁷.

Себя Плеханов, разумеется, отнес к марксистам.

История, как известно, рассудила спор Плеханова с Лениным в пользу Ленина. На опыте стало очевидно, что не «философия истории» Плеханова, страдавшая налетом «экономического материализма», объективизма, пассивности и созерцательности, что наиболее ярко проявилось в плехановской концепции развития производительных сил, а ленинское понимание, истолкование и практическое применение принципов материалистического понимания истории выдержало испытание временем.

⁷⁵ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XIII, стр. 136.

⁷⁶ См. там же, стр. 136.

⁷⁷ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы, М., 1959, стр. 139.

2. Проблемы диалектического метода и философского материализма

В своей рецензии на Марксову работу «К критике политической экономии» Энгельс отмечал, что из гегелевской логики Маркс высвободил рациональное ядро, восстановил диалектический метод, освободил его от идеалистической оболочки. В таком виде диалектический метод стал единственно правильной формой развития мысли и лег в основу Марксовой критики политической экономии. Марксов диалектический метод генетически связан с диалектикой Гегеля, но материалистическая диалектика Маркса противоположна по своему содержанию гегелевской идеалистической диалектике. Последний момент Маркс особенно подчеркивал, когда в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» (1873) характеризовал свой диалектический метод исследования. Категорически отвергая мистическое толкование тождества бытия и мышления, Маркс и Энгельс в основу своего диалектического метода положили материалистический принцип отражения, согласно которому субъективная диалектика, «диалектика в нашей голове», является отражением действительного развития и подчиняется диалектическим формам. По характеристике Энгельса примененный в «Капитале» диалектический метод, Марксов метод политической экономии, является единственно уместным логическим способом рассмотрения предмета. Материалистический характер диалектической логики Маркса проявляется прежде всего в том, что этот логический метод есть исправленный исторический метод, отражающий в системе абстрактных теоретических понятий реальный исторический процесс во всей его объективной диалектичности. В более конкретной форме диалектический метод Маркса выступал в «Капитале» в качестве метода восхождения от абстрактного к конкретному. Вполне закономерным является поэтому ленинский вывод, сделанный в «Философских тетрадах» о том, что в «Капитале» применены к одной науке тождественные друг другу логика, диалектика и теория познания материализма. Хотя основоположники марксизма не сделали прямо такого вывода при характеристике метода «Капитала», этот ленинский вывод и исторически и логически вытекал из их взглядов на материалистическую диалектику.

Спрашивается теперь, какие возможности открывались перед Г. В. Плехановым для правильного понимания диалектического метода «Капитала»?

Плехановская концепция диалектики и метод «Капитала»

Основоположники марксизма справедливо считали одной из основных своих заслуг спасение сознательной диалектики немецкой классической философии и переведение ее в материалистическое понимание природы и истории. Плеханов был поэтому совершенно прав, когда говорил, что диалектический метод имеет в марксизме решающее значение. «Диалектический метод — это самая характерная черта современного материализма; в этом его существенное отличие от старого, метафизического материализма XVIII столетия»⁷⁸. Метод марксизма — это, по Плеханову, материалистическая диалектика, в отличие от гегелевской идеалистической диалектики. Он всегда признавал как генетическую связь диалектики Маркса и диалектики Гегеля, так и их качественное различие.

В обобщенном виде существо диалектики и ее законы изложены у Плеханова в таком виде:

«1) *Все конечное таково, что оно само себя снимает, переходит в свою противоположность.* Этот переход совершается при помощи присущей каждому явлению природы; каждое явление содержит в себе силы, порождающие его противоположность.

2) *Постепенные количественные изменения данного содержания превращаются в конце концов в качественные различия. Моменты этого превращения — это моменты скачка, перерыв постепенности.* Большое заблуждение думать, что природа или история не делают скачков»⁷⁹. Или еще: «...Диалектический метод характеризуется прежде всего и главным образом тем, что он в самом явлении... ищет сил, обуславливающих собой развитие этого явления. К этому сводятся все главные преимущества диалектического метода...»⁸⁰

Принцип «замечательнейшего диалектика древности» Гераклита «*все течет, все изменяется*» является для Пле-

ханова олицетворением «основного закона всего существующего». «Ни в природе, ни в общественной жизни, ни в понятиях людей нет и не может быть ничего такого, что могло бы претендовать на неизменность»⁸¹. Мир не просто находится в движении, но движется закономерно, развивается. В этом смысле Плеханов усматривал в диалектике Гегеля «алгебру прогресса». Законосообразный, необходимый, поступательный ход развития обуславливают «последние», «самые общие причины». Во всех процессах в мире есть, конечно, элемент случайного. Но «случайность, — по Плеханову, — *есть нечто относительное.* Она является лишь в точке пересечения *необходимых* процессов»⁸². Источник движения, развития, по Плеханову, находится в самих явлениях, в них заключено «все внутреннее движение жизни»⁸³. «*Противоречие ведет вперед*»⁸⁴ — этот гегелевский принцип он полностью разделяет. В противовес эволюционизму Плеханов заявлял, что «изменение вообще, а следовательно, и постепенное, *непрерывное* изменение не объясняет *ни возникновения, ни исчезновения*»⁸⁵. Процесс развития может быть понят только в том случае, когда поняты переходы постепенных, количественных изменений в коренные, качественные. Моменты этих переходов суть скачки, перерывы постепенности. По Плеханову, скачок — это прежде всего коренное изменение качества, которое не противоречит непрерывности всего процесса развития»⁸⁶. Поскольку изменения непрерывны, они остаются лишь количественными. Но переход количества в качество — это не возникновение новой субстанции, а нового состояния субстанции, нового отношения между частями субстанции. В природе и обществе «*скачки предполагают непрерывное изменение, а непрерывное изменение неизбежно приводит к скачкам.* Это — два необходимых момента одного и того же процесса. Устраните мысленно один из них, и весь процесс станет невозможным и немислимым»⁸⁷. В процессе развития, по Плеханову, речь

⁸¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 693.

⁸² Там же, стр. 323.

⁸³ Там же, стр. 128.

⁸⁴ Там же, стр. 527.

⁸⁵ Там же, стр. 609.

⁸⁶ Там же, стр. 605—606.

⁸⁷ Там же, стр. 610.

⁷⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 140.

⁷⁹ Там же, стр. 132.

⁸⁰ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. IV, М., 1958, стр. 269.

идет не о постоянном изменении одной и той же вещи, а о возникновении различных вещей, о таком развитии каждой данной вещи, которое ведет ее к отрицанию и к переходу в другую вещь⁸⁸.

На социальном материале Г. В. Плеханов излагает свое понимание диалектики как «алгебры прогресса» в виде так называемой формулы общественного развития.

«Формула прогресса», по Плеханову, выражает «взаимное отношение («взаимодействие») между содержанием и формой. Содержание — это общественные потребности, требующие удовлетворения; форма — это общественные учреждения. Содержание родит форму и тем обеспечивает себе дальнейшее развитие. Но дальнейшее развитие делает неудовлетворительной его форму; возникает противоречие; противоречие ведет к борьбе; борьба — к уничтожению старой формы и к замене ее новой, которая в свою очередь обеспечивает дальнейшее развитие содержания, которое делает ее неудовлетворительной и т. д., и т. д., до тех пор пока не остановится развитие»⁸⁹.

Сформулированный закон Плеханов рассматривает как универсальный закон действительности: «Этот великий закон отвержения формы, порожденной известным содержанием вследствие дальнейшего роста того же содержания, есть в самом деле повсеместный закон, потому что ему подчинено развитие не только общественной, но также и органической жизни. И он действительно вечен в том смысле, что его действие прекратится только тогда, когда прекратится всякое развитие. Но этот великий, повсеместный и вечный закон есть в то же время та «формула противоречия», которая едва ли не лучше всех других выражает взгляд Маркса на ход общественного развития»⁹⁰.

Таким образом, перед нами вырисовывается плехановская концепция диалектики, которая в основе своей представляет теорию развития природы, общества и мышления. В этой концепции центр тяжести лежит в законах развития природы и общества. Она отвечает на вопрос, почему и по каким законам развивается объективная действительность. Именно в этом плане внимание Плеханова обращено к «формуле противоречия», к законам перехо-

да количества в качество, отрицания отрицания, к «формуле прогресса», скачкообразного и поступательного развития, перехода возможности в действительность, необходимости в свободу, к закону «отвержения формы» и т. д. Иными словами, плехановская диалектика — это в первую очередь диалектика природы и общества, объективная диалектика. В разработке и пропаганде этих проблем заслуги Г. В. Плеханова весьма велики.

На основании знаний о существовании диалектического метода «Капитала» и оценки плехановской концепции диалектики можно сделать вывод, что эта концепция сформировалась не без влияния великого Марксова труда и что перед Плехановым открывались известные возможности для правильного понимания диалектики «Капитала». Однако в определенных отношениях эти возможности были все-таки ограниченными. Дело в том, что в плехановской концепции диалектики обнаруживаются и очень серьезные минусы. Особенности плехановского понимания и изложения диалектики были отмечены В. И. Лениным в «Философских тетрадах»: «Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов + против Богданова + против кантианцев + основные вопросы, etc. etc.). Из них о большой Логике, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика как философская наука) nil!»⁹¹. «Диалектика и есть теория познания... вот на какую „сторону“ дела (это не „сторона“ дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»⁹². Но в этом же состояла и суть диалектического метода «Капитала»!

В невнимании Плеханова к логике и диалектике процесс познания есть свои основания. В этом — одна из характернейших особенностей его теоретической философии. Предвосхищая упреки своих будущих оппонентов в недостаточном внимании к проблемам теории познания, Плеханов писал в «Очерках по истории материализма»: «На это я могу возразить, что я сделал все, чтобы точно излагать их взгляды в этом пункте. Но так как я не причисляю себя к сторонникам столь модной в настоящее время теоретико-познавательной схоластики, я не имел намерения подробно останавливаться на этом совершенно второсте-

⁸⁸ См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 614.

⁸⁹ Там же, стр. 543.

⁹⁰ Там же, стр. 543—544.

⁹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 248.

⁹² Там же, стр. 321.

пенном вопросе»⁹³. Дальнейшая история показала, что под понятием «теоретико-познавательная схоластика» скрывались в первую очередь логические аспекты теории познания.

Самым парадоксальным во взглядах Плеханова на диалектику в ее логических и гносеологических аспектах является, пожалуй, то, что сам он знал о проблеме соотношения диалектики, логики и теории познания, подчеркивал важность ее. Но вот как странно он описывает эту тему, критикуя философию И. Дицгена, который много внимания уделил в своих трудах именно анализу логики как теории познания. Логика Дицгена, отмечает Плеханов, покрывает собою его теорию познания, гносеологию. Мысль эту Плеханов признает правильной, полагая, что ее «в древности развивал Гераклит... а в XIX в.— Гегель и гегельянцы, включая сюда и материалистов Фейербаха, Маркса и Энгельса». *«Эта мысль.— заявляет Плеханов,— есть основа всякой диалектики.* И именно поэтому, что она составляет основу *всякой* диалектики, ею одною еще недостаточно характеризуется *данный* диалектический метод. Мы знаем *идеалистическую* диалектику Гегеля и *материалистическую* диалектику Маркса»⁹⁴. Оказывается, признавая тезис совпадения логики и теории познания *за основу* всякой диалектики, Плеханов не нашел времени, чтобы хоть что-то написать об этом! Но, по-видимому, дело не только во времени. Скорее всего в том, что из общих представлений Плеханова о сути диалектического метода потребность вплотную заняться диалектикой как логикой, как теорией познания у него не возникала. Диалектика Плеханова — диалектика материалистическая по содержанию. Но если присмотреться ко всей совокупности плехановских высказываний о диалектике, то окажется, что они чем-то по форме очень напоминают гегелевское учение о методе. С точки зрения объективного идеалиста Гегеля совпадение диалектики, логики и теории познания само собой разумеется. В гегелевской философской системе метод «не есть нечто отличное от своего предмета»; у Гегеля метод в конечном счете перерастает в самую фило-

софскую систему, движение метода есть движение самой сути дела, а логика является подлинной метафизикой. Метод, по Гегелю,— это сокращенное выражение самой философии, её душа и субстанция. Нечто аналогичное мы обнаруживаем в плехановском толковании метода материалистической диалектики: это тоже по преимуществу учение о самом предмете, о самой «суть дела», а диалектика как логика и теория познания материализма, именно как *метод познания, постижения субъектом объекта*, остается у Плеханова в тени. Таким образом, мы еще раз можем убедиться, что критика его трудов по диалектике В. И. Лениным является в высшей степени справедливой и основательной.

Онтология и гносеология Г. В. Плеханова в свете диалектико-материалистических принципов «Капитала» и других философских трудов Маркса и Энгельса.

В «Капитале» Маркса диалектика выступает в качестве теории познания и логики материализма, причем коренным гносеологическим принципом Марксова диалектического метода исследования выступает материалистический принцип отражения. Зададимся элементарным вопросом: мог или не мог понять Плеханов эти аспекты метода «Капитала»?

По Плеханову, «*коренным вопросом философии*» является вопрос отношения *я* к *не-я*, сознания к бытию, субъекта к объекту. Одни мыслители берут за точку отправления объект, иначе говоря, бытие, или, еще иначе,— природу. При этом им приходится объяснить, каким образом к объекту прибавляется субъект, к бытию — сознание к природе — дух. У других — исходной точкой является субъект, сознание, дух. Они должны объяснить, каким образом к субъекту прибавляется объект, к сознанию — бытие, к духу — природа. Те, кто отправляются от объекта и мыслят последовательно, считает Плеханов, являются материалистами⁹⁵. Именно постулаты об объекте являются поэтому для Плеханова исходным пунктом при развертывании его философской системы. Конкретной формой такого истолкования «коренного вопроса философии» является плехановская постановка проблемы *материальной субстанции* как исходной и главной категории философии

⁹³ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 35.

⁹⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 118.

⁹⁵ См. там же, стр. 614, 615, 616.

марксизма. «Если, — писал Плеханов, — устранено понятие о субстанции, то тем самым устранены и важнейшие из тех вопросов, над которыми так долго билась философия. Между ними самое важное место занимают вопросы о субъекте, об объекте и об их взаимном отношении»⁹⁶; тот, кто отрицает понятие субстанции, логически приходит к махизму⁹⁷. Исторически сложилось так, что философская категория «субстанция» всегда означала нечто неизменное, то, что существует благодаря самому себе и в самом себе. У Плеханова субстанция подчинена законам развития, но в определенном смысле и у Плеханова субстанция всегда остается неизменной: в процессе развития возникает не новая субстанция, а лишь новое состояние субстанции, новое соотношение между ее частями.

В свете таких высказываний понятной становится и шумевшая формула Плеханова о *спинозизме*: «...Современный материализм представляет собой только более или менее осознавший себя спинозизм»⁹⁸; «...материализм в том виде, как он был разработан в восемнадцатом столетии и как он был принят основателями научного социализма, является теорией, которая учит нас, что «мы не можем знать мыслящей субстанции вне субстанции, обладающей протяжением, и что мысль является, в том же смысле, как и движение, функцией материи». Но это есть отрицание философского дуализма, и это возвращает нас прямоком к старику Спинозе с его единой субстанцией, для которой протяжение и мысль являются только атрибутами»⁹⁹. На вопрос о том, как понимать выражение «материализм Маркса и Энгельса был родом спинозизма», Плеханов отвечал: «...У Маркса и Энгельса, как уже и у Дидро, спинозизм был освобожден от его теологической внешности, только и всего»¹⁰⁰.

По мнению Плеханова, все материалисты — непосредственные предшественники Маркса — являются спинозистами. Были материалисты, «очень мало» создававшие свое родство со Спинозой, например, Ламетри, но тем не ме-

нее он примыкал к спинозизму. Другие же, например Дидро, сознавали это родство. «*Материалистическая философия Фейербаха была, как и философия Дидро, — считает Плеханов, — лишь родом спинозизма*»¹⁰¹. Хотя Плеханов признавал, что в философии Фейербаха Маркс и Энгельс совершили целый переворот, что она подверглась дальнейшей и в высшей степени плодотворной переработке¹⁰², что Марксова критика Фейербаха стала исходным пунктом новой фазы в развитии материализма, он, тем не менее утверждал, что Маркс и Энгельс навсегда остались единомышленниками Фейербаха в вопросах философии, собственно так называемой¹⁰³, что критика Марксом и Энгельсом феербаховского материализма не касалась его основ. Даже для XX столетия у Плеханова Фейербах выступал представителем самой глубокой и наиболее современной философской теории, хотя его философия в некоторых своих чертах признавалась «превзойденною ступенью» философского развития. Поэтому Плеханов убежденно говорил: «Когда Энгельс пишет, что «к лагерю материалистов надо отнести всех тех, которые основным началом считают природу» (см. его сочинение «Людвиг Фейербах»), то он только повторяет слова Фейербаха: «Истинное отношение мышления к бытию состоит лишь в том, что бытие — это субъект; мышление — предикат; мышление происходит из бытия, а не бытие из мышления». А так как точка зрения Фейербаха была точкой зрения спинозиста, то ясно, что и тождественная с нею философская точка зрения Энгельса не могла быть иною»¹⁰⁴. Если ко всему этому добавить, что еще в 1889 г. на вопрос Плеханова: «Так, по-вашему, старик Спиноза был прав, говоря, что *мысль и протяжение* не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции?» — Энгельс ответил: «Конечно, старик Спиноза был вполне прав», то становится понятно, почему Плеханов заявлял: «...Я с полнейшим убеждением утверждаю, что

⁹⁶ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 452.

⁹⁷ См. там же.

⁹⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 339.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 76.

¹⁰¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 359.

¹⁰² См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. IV, стр. 276.

¹⁰³ См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 684.

¹⁰⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 359—360.

Маркс и Энгельс в *материалистический* период своего развития никогда не покидали точки зрения Спинозы»¹⁰⁵.

Если вдуматься в логику всех этих рассуждений Плеханова, то становится понятным, что Плеханов вовсе не отождествлял диалектический материализм специально со спинозизмом. Определяя философию марксизма как своего рода спинозизм, или как более или менее осознанный спинозизм, он хотел тем самым сказать, что, как и во всей материалистической философии нового времени, преемственно связанной с материализмом Спинозы, в диалектическом материализме основополагающее значение должно быть придано идущему от Спинозы принципу материалистического монизма, противоположному дуализму и идеализму. Монизм этот означает, что в мире существует только материя — субстанция, что никакой мыслящей субстанции нет вне этой материи — субстанции, что мышление и движение являются функциями материи. Мышление не тождественно бытию и не может быть к нему сведено. Такое тождество возможно только в идеализме.

Как бы ни оценивать взгляды Плеханова на отношение марксизма и философии Спинозы и Фейербаха, фактом остается, что это его оригинальные взгляды, которые далеко не совпадают со взглядами Маркса и Энгельса. Должно это было сказаться на плехановском отношении к философскому аспекту «Капитала»? Безусловно.

Решая философские проблемы, Плеханов в конце XIX и первые годы XX в. охотно прибегал к сопоставлениям марксистской философии также с философией Канта. Более того, сравнительный анализ проблематики той и другой концепции приводил Плеханова к необходимости использовать при изложении марксистского философского материализма материалистические элементы кантовской философии. Дело дошло до того, что оппоненты Плеханова из лагеря российских махистов выдвинули против него (неосновательное впрочем) обвинение в том, что плехановский материализм — лишь материалистически истолкованное кантианство. То ли под влиянием критики, то ли по каким другим причинам, но в период написания «Основных вопросов марксизма» Плеханов стал излагать проблемати-

ку материалистической философии, прибегая по большей части к помощи Фейербаха, а не Канта, но суть его концепции при этом не менялась.

В принципе для Плеханова философия Канта и соответственно выдвинутый в конце XIX в. ревизионистский лозунг «Назад к Канту!» были неприемлемыми. Кантовская философия, говорил Плеханов, это прежде всего агностическая философия. «Непознаваемое» Канта открывает широкую дверь мистицизму. «Непознаваемое» есть не что иное как бог, схоластический бог. Такая философия неприемлема для марксизма ни с теоретической, ни с практической точек зрения. Отвечает требованиям теории и практики лишь философия, исходным пунктом которой является понятие материи: «...*Материя*, постигаемая нами сообразно ее воздействию на нас, совершенно исключает всякое *теологическое* толкование»¹⁰⁶. Но в другом отношении философия Канта заслужила одобрение Плеханова. Он тщательно разбирает вопрос о соотношении трактовки Кантом вещи в себе как предельного понятия, которому ничто не соответствует вне человеческого сознания, с его же трактовкой вещи в себе, существующей вне сознания, и склоняется к тому, что вторая точка зрения, из которой следует признание вещей в себе в качестве причины представлений, ведет к материализму, тогда как первая — к субъективному идеализму. Кантианизм, считает Плеханов, метафеноменалистичен в отличие, например, от феноменалистического фихтеанизма, поскольку кантианизм «признает *действие на нас вещей в себе*»¹⁰⁷. В этом отношении, по Плеханову, современный материализм не отличается от кантианства, также являясь метафеноменалистическим, поскольку, как и учение Канта, материализм не подвергает сомнению ни существование вещей вне сознания, ни их действия на нас. Вещи в себе, пишет Плеханов, составляют окружающий нас мир. «В противоположность *«духу»*, *«материей»* называют то, что, *действуя на наши органы чувств*, вызывает в нас те или другие ощущения. Что же именно действуют на наши органы чувств?» — спрашивает Плеханов и заявляет: «На этот вопрос я вместе с Кантом отвечаю: *вещи в себе*. Стало быть, *материя есть не что иное, как совокупность вещей в себе, поскольку эти вещи явля-*

¹⁰⁵ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 360.

¹⁰⁶ Там же, стр. 341.

¹⁰⁷ Там же, стр. 435.

ются источником наших ощущений»; сознание «есть атрибут той субстанции, которая действует на мои внешние чувства и которую я называю материей»¹⁰⁸.

Легко заметить, что Плеханов говорит по существу об одном и том же как в случае, когда он определяет объект современной материалистической философии, прибегая к сопоставлениям с философией Спинозы, так и в случае, когда он сравнивает диалектический материализм с философией Канта. Только в первом случае объект выступает как бы сам по себе, безотносительно к субъекту, а во втором — сквозь призму его взаимоотношений с субъектом. У Плеханова есть, впрочем, такие определения материальных объектов, при которых он вообще их не сравнивает ни с субстанцией Спинозы, ни с вещами в себе Канта. Например: «Материальными предметами (телами) мы называем такие предметы, которые существуют независимо от нашего сознания, и, действуя на наши чувства, вызывают в нас известные ощущения, в свою очередь лежащие в основу наших представлений о внешнем мире, т. е. о тех же материальных предметах, а равно и об их взаимных отношениях»¹⁰⁹.

Если проследить за логикой мысли Плеханова в его высказываниях по проблемам материализма, то мы увидим, что он неизменно делает акцент на объективные аспекты субъект-объектных отношений, хотя, естественно, другой аспект он также анализирует.

В философской полемике конца XIX — начале XX в. очень много толков вызвала кантианско-махистская трактовка неразрывности субъекта и объекта. Позиция Плеханова в этом важнейшем философском вопросе была однозначна. Он считал, что положение без субъекта нет объекта — в корне ошибочно, что все попытки апеллировать к этому идеалистическому, по его мнению, положению обречены на жалкую неудачу. Для опровержения субъективно-идеалистических концепций субъект-объектных отношений Плеханов прибегал не только к собственно философско-гносеологическим аргументам, но апеллировал также и к материалистическому пониманию истории и, в частности, к воплощенной в «Капитале» Марксовой

концепции взаимоотношений человека и природы. Критика Плехановым субъективного идеализма в данном случае была оправдана постольку, поскольку понятие «объект» у субъективных идеалистов включало в себя всю объективную реальность, всю природу, в том числе и природу до возникновения человека. Солипсистский тезис о том, что вне человека нет другого мира, кроме того, который мы знаем и чувствуем в своей конкретной человеческой деятельности, и что человеческие понятия не являются отражением вещей, но продуктом творчества субъекта (хотя бы «объективного субъекта»), Плеханов, конечно, принять не мог. Как материалист, Плеханов был прав, заявляя, что природа не перестает существовать, когда субъекта еще нет или когда его существование уже прекратилось. Когда он говорит: субъект появляется лишь после того, как объект достигает известной степени развития, то он прав, ибо возникновение человека и его сознания — это следствие развития природы и истории. Точка зрения Плеханова вполне основательна в том смысле, что она справедливо подвергает критике тот неизбежный солипсизм, в который должны впасть сторонники субъективно-идеалистических трактовок тезиса «без субъекта нет объекта», если их рассуждения довести до логического конца. Однако, отвергнув субъективно-идеалистическую, солипсистскую по своей тенденции трактовку этой проблемы и дав материалистическое ее решение, Плеханов не сумел подойти к ней вполне диалектически.

У Плеханова «я» — не только субъект, но также и объект (для другого); материальное существо, тело, обладающее способностью ощущать и мыслить, есть «субъект-объект»¹¹⁰. Каждый из нас является субъектом для себя (я), а для других людей он может быть только объектом (ты). Люди существуют не за пределами природы, а в ней. Поэтому именно природу (бытие, объект) нужно брать за исходную точку во всех философских построениях¹¹¹. Процесс познания представляется в таком случае как взаимодействие двух объектов, причем считается, что каждое изменение в объекте — природе отражается на действиях объекта-субъекта. Для человеческого тела ре-

¹⁰⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 446.

¹⁰⁹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 228—231.

¹¹⁰ Там же, стр. 254.

¹¹¹ См. там же, стр. 616.

зультат действия на него тела внешнего является с объективной стороны — чисто материальным, а с субъективной — психическим. Но с той и другой стороны он будет состоянием познающего объекта, т. е. субъекта. Только в этом смысле всякое знание является субъективным. Быть познающим, — значит быть для другого ¹¹². Такая трактовка Плехановым субъект-объектных отношений генетически восходит к гносеологическим идеям Фейербаха. Но Плеханов пытался убедить своих оппонентов, что это и есть теория познания марксизма. Он утверждал, что «гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха, или, если хотите... она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки» ¹¹³. Если, наряду с этим категорическим утверждением, вспомнить и о том, что Плеханов ставил чуть ли не на один уровень Фейербаха и Маркса, оценивая их отношение к гегелевской диалектике (в одном месте читаем у Плеханова, что Фейербах и Маркс, разоблачив несостоятельность гегелевского идеализма, «поставили диалектику на ноги и сделали из нее могучее орудие научного исследования» ¹¹⁴), если принять во внимание тот факт, что Плеханов неумеренно сурово оценивал философию И. Дицгена, утверждая, что тот «имел о материализме лишь весьма смутное представление» ¹¹⁵, не замечая в небезупречных в теоретическом отношении дицгеновских оценках материализма XVIII в. главного достоинства — критики его ограниченности и созерцательности, критики, созвучной с идеями Маркса и Энгельса, то близость плехановской гносеологической концепции к фейербахизму станет очевидной, хотя, разумеется, о тождестве этих концепций говорить нельзя.

Был момент, когда Плеханов решился вступить в спор с самим Марксом из-за Фейербаха, и этот исторический эпизод лишний раз свидетельствует о глубокой его убежденности в своей правоте. По Плеханову, как мы видели, гносеология Маркса — это гносеология Фейербаха плюс

¹¹² См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 635.

¹¹³ Там же, стр. 137.

¹¹⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 695.

¹¹⁵ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 115.

«гениальная поправка». Под «гениальной поправкой» понимается здесь трактовка активной роли познающего субъекта, выдвинутая в «Тезисах о Фейербахе». По Плеханову, «гениальная поправка» Маркса была подсказана «духом времени». «В этом стремлении взглянуть на взаимодействие между субъектом и объектом именно с той его стороны, с которой субъект выступает в активной роли, сказалось общественное настроение того времени, когда складывалось миросозерцание Маркса — Энгельса. Революция 1848 была уже не за горами...» ¹¹⁶ Уже из такого рассуждения видно, что Плеханов обходит по существу собственно философское значение Марксовой критики Фейербаха. Принципиально новой постановки теоретико-познавательных проблем Марксом в сравнении с Фейербахом Плеханов вообще не может оценить по достоинству. Фейербах, излагает суть дела Плеханов, указывает на то, что наше *я* познает объект, лишь подвергаясь его воздействию. Маркс же возражает: наше *я* познает объект, воздействуя на него с своей стороны. Эту мысль Маркса Плеханов признает вполне правильной. Однако здесь же высказывается утверждение, из которого следует, что «поправка» Маркса, с точки зрения Плеханова, фактически ничего не меняет в теории познания. «...В защиту Фейербаха можно возразить, — думает Плеханов, — что ведь и в процессе *нашего воздействия* на предметы мы познаем их свойства лишь постольку, поскольку они с своей стороны воздействуют на нас» ¹¹⁷.

Что означает такая постановка вопроса?

Плеханов видел новаторскую роль Маркса лишь в том, что он соединяет философскую теорию познания с материалистическим пониманием истории. Человек, — писал он в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», — становится субъектом только в истории, потому что только в ней развивается его самосознание. Ограничиваться рассмотрением человека как члена животного царства — значит ограничиться рассмотрением его как «объекта», упустить из вида его историческое развитие, его общественную практику. Упустить из вида все это — значит сделать материализм «сухим, мрачным, печальным» (Гете), фаталистическим, осуждающим челове-

¹¹⁶ Там же, стр. 137.

¹¹⁷ Там же, стр. 136.

ка на полное подчинение слепой материи. Маркс, продолжает Плеханов, заметил этот недостаток французского и даже фейербаховского материализма и поставил задачу исправить его. Исторический материализм является ответом на вопрос, как развивается «конкретная деятельность» человека, как в силу ее развивается его самосознание, как складывается субъективная сторона истории¹¹⁸. Под субъективной стороной человеческой жизни Плеханов понимал «человеческий дух, чувства, идеи людей». Рассматривать эту сторону с материалистической точки зрения, считал он, значит объяснять историю идей материальными условиями существования людей¹¹⁹.

Эти рассуждения Плеханова заслуживают положительной оценки в том смысле, что они способствовали уяснению новаторской роли Маркса в философии, в особенности его идеи о необходимости ввести практику в теорию познания. По смыслу концепции Плеханова человек, как субъект познания, участвует в познании не просто как индивид, а как общественное существо, существо, не созерцающее, пассивно подчиненное, а как творящее, действующее и борющееся существо. Так истолковывалась точка зрения Плеханова его учениками, в частности А. М. Дебориним, уже в начале XX столетия¹²⁰. В этих пределах философия Плеханова преодолевала созерцательность предшествующего материализма, в том числе и фейербаховского. Однако полемика с Марксом по вопросу об активной роли субъекта вряд ли может внушать оптимизм, когда решается такой капитальной важности вопрос, как вопрос о критической и революционной сущности диалектики Маркса, когда речь идет о таком аспекте, без которого метод автора «Капитала» немислим. Тот факт, что Плеханов вступил в спор с Марксом именно по вопросу об активности познающего субъекта и защищал по существу Фейербаха, или во всяком случае не усматривал коренного отличия Марксовой постановки проблемы от фейербахизма, является ярким симптомом недопонимания им

¹¹⁸ См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 673.

¹¹⁹ См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 171.

¹²⁰ См. А. М. Деборин. Введение в философию диалектического материализма. М., 1922, стр. 213.

принципиальной значимости критики Марксом созерцательности предшествующих марксизму материалистических систем, включая фейербаховскую. Такая характернейшая черта философской концепции Плеханова становится тревожным сигналом, как только мы вновь задумываемся над вопросом о том, мог ли Плеханов в таком случае по достоинству оценить метод «Капитала» под углом зрения, скажем, Марксовой концепции восхождения от абстрактного к конкретному или соотношения индукции и дедукции? Оказывается, не мог. Плеханов не сумел оценить суть различий между взглядами Маркса и Фейербаха на познавательную роль *форм живого созерцания* и *форм абстрактного мышления*. Как и Фейербах, Плеханов переоценивал значение первых и недооценивал роль последних. В процессе нашего воздействия на предметы, рассуждает Плеханов, мы познаем их свойства лишь постольку, поскольку они со своей стороны воздействуют на нас. Но в обоих случаях мышлению предшествует ощущение, в обоих случаях «мы прежде ощущаем, а потом уже думаем о них». Смысл «поправки» Маркса к гносеологии Фейербаха Плеханов видит в мысли о том, что «человек побуждается к размышлению главным образом теми ощущениями, которые он испытывает в процессе своего воздействия на внешний мир. А так как это воздействие на внешний мир предписывается ему его борьбою за свое существование, — продолжает он, — то теория познания тесно связывается у Маркса с его материалистическим взглядом на культурную историю человечества»¹²¹.

Действительно, ощущение логически предшествует абстрактному мышлению, побуждает к абстрактному мышлению. Однако, справедливо полагая, что ощущения ложатся в основу человеческих представлений о внешнем мире, Плеханов односторонне утверждал, что вообще никакого другого знания предмета, кроме знания его через посредство тех впечатлений, какие он на нас производит, нет и быть не может. «Человеческий разум теряется в потемках, как только он выходит за пределы чувственного мира, или, что одно и то же, за пределы опыта»¹²². Эти утверждения не означают, конечно, что Плеханов стоит на

¹²¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 137.

¹²² Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 437.

позициях ординарного сенсуализма. Он разграничивал, например, вопрос о происхождении человеческих способностей мышления, связанных с биологической эволюцией человека, и вопрос о происхождении человеческих понятий, которые, по его мнению, «ни в коем случае нельзя считать продуктом биологической эволюции»¹²³. «Человеческие понятия возникают на почве общественных отношений. Раз возникли данные понятия, они непременно сами влияют на общественные отношения. Между различными сферами понятий и представлений также существует взаимное влияние...»¹²⁴ О том, что плехановская гносеология отнюдь не тождественна сенсуализму, свидетельствуют многие факты обращения Плеханова к проблемам гносеологической роли форм абстрактного мышления. На первое место в этом комплексе проблем следует несомненно поставить плехановскую трактовку соотношения *формальной и диалектической логики*.

Видный буржуазно-либеральный критик марксизма конца XIX — начала XX в. уже называвшийся нами Т. Масарик в своей книге «Философские и социологические основания марксизма» поставил себе целью доказать тезис о невозможности материалистической диалектики на том основании, что материалистическая диалектика есть якобы «*contradictio in adjecto*», поскольку, по теории Маркса и Энгельса, понятия есть отражение вещей в мозгу человека и, следовательно, диалектика понятий, с точки зрения философии марксизма, вообще якобы невозможна. Отвечая Масарику, Плеханов с полным основанием заметил, что если в природе все совершается диалектически, а наши понятия представляют «отражения» процессов, совершающихся в природе, то понятия должны иметь диалектическую природу и не могут быть лишены диалектического элемента. «Кто признает существование в природе диалектических процессов, тот *вынужден признавать «субъективную диалектику»*. На этом основании Плеханов, опираясь на идеи Энгельса, критиковал также утверждения о том, что диалектический метод не дает возможности пользоваться точными логическими понятиями, учитывать соображения «здравого смысла», что законы формальной логики якобы несовместимы с за-

¹²³ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 204.

¹²⁴ Там же, стр. 209.

конами логики диалектической, что высшая форма мышления — диалектическое познание — вообще отрицает всякое формально-логическое, «рассудочное», «метафизическое» познание. Союзником Плеханова в вопросе о соотношении метафизического, рассудочного, формально-логического мышления и мышления диалектического выступает также Гегель.

Плеханов, возражая против выдвигавшихся критиками марксистской философии утверждений о несовместимости формальной логики и диалектики, о невнимании марксистов к «правилам» мышления, настаивал на том, что мышление по правилам формальной логики является частным случаем диалектического мышления, что диалектика не отменяет формальной логики, но только лишает ее законы абсолютного значения¹²⁵. Вслед за Гегелем Плеханов считал, что без точного определения понятий невозможно внимательное отношение к действительности, связывая при этом познание с помощью точных понятий с рассудочным, т. е. недialeктическим, познанием¹²⁶. Опираясь на такие оценки формально-логического, «рассудочного», «метафизического» мышления, Плеханов положительно оценивал познавательную роль индукции, с помощью которой, как он думает, идет накопление запаса научных обобщений. Но рано или поздно индукция обнаруживает свою несостоятельность как элемент метафизического мышления и приводит к мышлению диалектическому, в котором индукция и дедукция органически слиты.

Отмечая все эти и подобные высказывания Плеханова, относящиеся к проблеме познавательной роли *форм абстрактного мышления*, нельзя не обратить внимания на одну характерную их особенность: высказаны они в полемике, в качестве реакции на критику марксистской философии. В работах, где Плеханов в обобщенном виде излагает свою философскую концепцию, эти мысли не занимают сколько-нибудь значительного места. И поэтому о понимании Плехановым соотношения форм чувственного созерцания и абстрактного мышления приходится судить по большей части на основании косвенных данных, поскольку о гносеологической роли абстрактного мышления,

¹²⁵ См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 83, 81.

¹²⁶ См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 380—381.

при изложении своих главных гносеологических идей, Плеханов почти ничего не говорил, будучи поглощенным по существу целиком вопросом о роли ощущений и вообще форм чувственного созерцания как основных, по его мнению, орудий познания. Но не только почти полное отсутствие пространных указаний на гносеологическую роль форм абстрактного мышления при изложении Плехановым принципов материалистической теории познания обращает на себя внимание. Некоторые высказывания Плеханова заставляют думать, что он вполне сознательно следовал Фейербаху, который, будучи неудовлетворен абстрактным мышлением в идеалистической философии, апеллировал к чувственности и не сумел по достоинству оценить рациональные моменты развитой идеализмом деятельной стороны абстрактного мышления.

«...Для того чтобы исследовать нашу духовную организацию, — писал Плеханов, — «материалист» обращается к экспериментальной психологии, которая имеет дело только с явлениями и которая употребляет приемы, заимствуемые ею у биологии. Это — более верный путь»¹²⁷. Бесспорно, что диалектико-материалистическая теория познания не может не опираться на данные естествознания, в том числе биологии, психологии и т. д. В этом смысле Плеханов был совершенно прав. Но нельзя не сказать, что в приведенном фрагменте отсутствует указание на иные аспекты рассмотрения проблемы, хотя последняя формулируется в самом обобщенном виде. Нет нужды доказывать, что исследование «духовной организации человека» не исчерпывается экспериментальной психологией, опирающейся на биологию. Переоценка Плехановым гносеологической роли форм живого созерцания и, соответственно, недооценка форм абстрактного мышления, его невнимание к проблеме активности познающего субъекта, который не просто реагирует на воздействие объекта, но отражает его избирательно и целенаправленно, воспроизводя его уже сквозь призму сложившихся у него ранее, а также переданных ему накопленных в обществе понятий и представлений, иными словами, непреодоленность элементов феербаховской гносеологии нельзя объяснить лишь обстоятельствами полемики против субъективного идеа-

лизма. Плеханов вполне сознательно популяризировал свои теоретико-познавательные идеи и даже открыто вступал в полемику с Марксом, если видел, что отдельные Марксовы идеи не гармонируют, так сказать, с его собственными взглядами. Марксу и Энгельсу также приходилось вырабатывать свою философскую позицию в борьбе с идеалистической философией. Но это обстоятельство не помешало им, в частности, дать иную, нежели у Плеханова, трактовку соотношения форм живого созерцания и абстрактного, понятийного мышления.

Для Плеханова, как мы видели, тезис о совпадении логики и теории познания как основе всякой диалектики оказался настолько «банальным», что он этой темой никогда по существу не занимался вплотную. А у основоположников марксизма метод материалистической диалектики и есть диалектическая логика, теоретико-познавательную суть и значение которой они всячески подчеркивали. В «Диалектике природы» Энгельс сформулировал основной принцип построения системы понятий и категорий диалектической логики: «Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления, т. е. различные формы суждений и умозаключений. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижележащих»¹²⁸. Основоположники марксизма считали свой диалектический метод логическим методом, который представляет, с их точки зрения, отражение истории природы и человеческого общества в абстрактной и теоретически последовательной форме. Они высоко оценивали мыслителей, придерживающихся абстрактно-дедуктивных методов; критикуя одновременно эмпириков и индуктивистов, Маркс специально разработывал метод восхождения от абстрактного к конкретному как метод политической экономии. Для Маркса и Энгельса диалектическое мышление возможно лишь как мышление в понятиях. Характеризуя диалектическое мышление как высшую форму мышления, возможную только для человека, находящегося на сравнительно высокой ступени раз-

¹²⁷ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 415—416.

¹²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 538.

вития, Энгельс связывает это обстоятельство с тем, что диалектическое мышление имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий. Для мышления необходимы логические категории; исследование форм мышления, логических категорий представляется необходимой и благодарной задачей¹²⁹. «...Там, где дело идет о понятиях, диалектическое мышление приводит по меньшей мере к столь же плодотворным результатам, как и математические выкладки»¹³⁰.

Для диалектиков и материалистов Маркса и Энгельса понятие есть продукт переработки созерцания и представления. Но диалектическое, философское мышление, с их точки зрения, есть тем не менее прежде всего понятийное, логическое мышление. Гегель, пишет Маркс в «Экономических рукописях 1857—1858 годов», которые, как известно, являлись важным этапом в формировании экономического учения Маркса, развитого им в «Капитале», впадал в иллюзию, когда понимал реальное «как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления». «...Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного». Для «философского сознания» (термин Маркса относится к гегелевскому идеализму), «для которого постигающее в понятиях мышление есть действительный человек и поэтому только постигнутый в понятиях мир как таковой есть действительный мир,— движение категорий выступает как действительный (хотя, к сожалению, и получающий некоторый толчок извне) акт производства, результатом которого является мир»¹³¹. Это утверждение Маркс считает верным постольку, поскольку всякое реальное, «конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания; однако,— тут же подчеркивает он,— это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне созерцания и представления, а переработка созерцания и предста-

¹²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 537—538, 524, 555.

¹³⁰ Там же, стр. 408.

¹³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 727.

вления в понятия»¹³². «Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир исключительно ей присущим образом — образом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира. Реальный субъект остается, как и прежде, вне головы, существуя как нечто самостоятельное, и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически»¹³³.

Если Маркс и Энгельс недвусмысленно заявляли, что главными орудиями философского, диалектического познания являются формы абстрактного, понятийного мышления, имеющего своим источником формы созерцания, то у Плеханова в качестве главного орудия познания выступают формы живого созерцания, а переход от них к абстрактному мышлению остается неясным, хотя он иногда говорил и о диалектике понятий, о диалектическом подходе к теории познания и т. д.

Как же в свете отмеченных черт гносеологии Плеханова выглядит процесс познания?

Поскольку с конца XIX в. Плеханову приходилось разрабатывать свою философскую концепцию в полемике с философскими ревизионистами — неокантианцами, то естественно, что он должен был посвятить много внимания критике агностицизма Канта, его тезиса о непознаваемости мира — этой, по выражению Плеханова, «пожилой догмы кантианства». Философия Канта, по Плеханову, настолько противоречива, что вся кантовская аргументация в пользу идеи непознаваемости «падает, разбиваемая логикой его собственного учения». По Канту, явление — это состояние нашего сознания, вызванное действием на нас вещей в себе. Но если мы предусматриваем действия на нас вещей в себе, значит нам известны по крайней мере некоторые их свойства. А если нам известны некоторые свойства вещей в себе, то мы не имеем права называть эти вещи непознаваемыми. Кто говорит, что вещи в себе воздействуют на нас, тот говорит, что он знает некоторые из отношений этих предметов к нам. «Но если мы знаем отношения, существующие между нами и вещами в себе, мы знаем также, — при посредстве нашей способ-

¹³² Там же.

¹³³ Там же, стр. 727—728.

ности восприятия, — отношения, существующие между самими предметами. Это не есть непосредственное знание, но это знание, и раз мы им обладаем, мы не имеем больше права говорить о невозможности знать вещи в себе.

Знать — это предвидеть. Раз мы можем предвидеть явление (феномен), мы предвидим действие на нас некоторых вещей в себе. И вся наша промышленность, вся наша практическая жизнь основана на подобном предвидении»¹³⁴.

По Плеханову, познать данную вещь — значит узнать ее свойства, т. е. тот способ, которым она действует на нас непосредственно и посредственно. «Невозможно узнать о вещи, — цитирует Плеханов Пристли, — больше того, что может быть умозаключено на основании тех явлений, в которых она участвует»; «определение *вещи, субстанции или сущности* (называйте как хотите) может состоять только в перечислении ее известных нам *свойств*... Если мы отнимем известные нам свойства, то не останется ничего, о чем можно было бы иметь представление»¹³⁵. «Ничего нет внутри, ничего нет снаружи, ибо то, что внутри, то и снаружи!» (Гете) — «это, — по Плеханову, — истинно материалистический взгляд на интересующий нас предмет»¹³⁶.

Ощущения, согласно Плеханову, выступают в качестве главного орудия познания, если дано ощущение, то тем самым дано познание вещи. Ощущение, с его точки зрения, является результатом взаимодействия субъекта и объекта. Результат этот зависит не только от свойств объекта, но также и от свойств субъекта. Истина относится не только к субъекту, но и к объекту. Истинно то суждение об объекте, которое *соответствует* действительному состоянию этого объекта. Истинное для человека субъективно, но оно имеет поэтому также и объективное значение. Истинное, правильное суждение верно изображает действительное состояние вещей. Таким образом, Плеханов объясняет отношение истины к объективной действительности, применяя в качестве основного понятия «соответствие». В принципе такое словупотребление правомерно. При изложении теории познания марксизма таким поня-

тием пользовались и Маркс, и Энгельс, и Ленин, имея в виду отражение вещей и явлений в сознании человека. Но у Плеханова понятие соответствия имеет несколько иное значение. Во всяком случае различие между концепцией Плеханова и концепцией Маркса и Энгельса, которую вполне разделял Ленин, было настолько существенным, что Плеханова не оказалось в ряду защитников материалистического принципа отражения, лежащего, как известно, в основе диалектического метода марксизма, того принципа, который Маркс в «Капитале» так успешно реализовал применительно к истории, и на который, как мы видели, с конца XIX в. энергично наступали и западно-европейские и российские критики.

«Ощущения, вызванные в субъекте действием на него объекта, — считает Плеханов, — совсем не похожи на этот последний, как не похожи они и на субъекта»¹³⁷. Субстанция сама по себе не похожа на мое представление о материи. «...Было бы очень странно, если бы ощущение и выросшее на его почве представление *походило* на ту вещь, которая его вызвала и которая сама не есть, конечно, *ни ощущение, ни представление*. Кто же не знает, что бытие в себе не есть еще ни бытие для себя, ни бытие для других?»¹³⁸ «...Существующее в моей голове «идеальное» не похоже на то «материальное», с которого оно *переведено*...»¹³⁹ Когда Плеханов говорит о такого рода несходстве, например, о «полном несходстве» между звуком (ощущением) и вызывающим его объективным процессом (в данном случае волнообразным движением воздуха), то понять его легко, и он здесь прав. Но согласно Плеханову, ощущения, «идеальное» не похоже на объект и в другом смысле. «...Формы и отношения вещей в себе, — пишет он, — не могут быть таковы, какими они нам *кажутся*, т. е. какими они являются нам, будучи «переведены» в нашей голове. Наши представления о формах и отношениях вещей не более как *иероглифы*»¹⁴⁰. И вот здесь-то выступает хорошо известная «иероглифическая ошибка» Плеханова. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» вскрыл суть этой ошибки, показав, однако, что эта ошибка не затрагивает основ материали-

¹³⁷ Там же, стр. 438.

¹³⁸ Там же, стр. 446.

¹³⁹ Там же, стр. 445.

¹⁴⁰ Там же, стр. 447.

¹³⁴ См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 340.

¹³⁵ Там же, стр. 407.

¹³⁶ Там же.

стической теории Плеханова¹⁴¹. Отступление Плеханова от материализма, его явная ошибка при изложении материализма, связанная с употреблением понятия «иероглиф», состоит в том, что это понятие вносит ненужный элемент агностицизма¹⁴².

«Иероглифическая ошибка» Плеханова — не случайность, и проблема «иероглифизма» отнюдь не сводится к терминологическим неточностям, хотя, как сам Плеханов заявлял, известную двусмысленность в данном случае он допускал. Иероглифизм Плеханова вполне гармонирует со всей его гносеологической концепцией. Именно потому, что Плеханов переоценивал гносеологическую роль форм чувственного созерцания и недооценивал активную познавательную роль форм абстрактного мышления, он совершил иероглифическую ошибку. Иероглифизм — концентрированное выражение тех элементов пассивного созерцания, которые наличествуют в его философии. Исходным здесь является утверждение, которым Плеханов фактически руководствовался, когда излагал свою гносеологическую концепцию — «в знании человека нет ничего, чего бы раньше не было в чувствах», хотя марксистская теория познания отнюдь не стоит на этой точке зрения домарксова материализма: мышление не может и не ограничивается суммированием данных опыта, совокупности ощущений и восприятий; знание человека — это не только то, что дают органы чувств; ощущения, восприятия, представления являются источником знания, но знание в целом выходит далеко за пределы живого созерцания. Видимо, Плеханов чувствовал, что познавательные возможности форм живого созерцания ограничены. Ведь не даром он не раз обращался к такой традиционной в истории философии теме, как тема, «обманывают ли нас чувства?» В такой ситуации «иероглифизм» — для Плеханова самый логичный выход.

«Иероглифизм», в представлении Плеханова, не противоречит основному постулату материалистической философии. На возможность расхождения среди материалистов по вопросу о критерии правильности изображений при единстве по главному, коренному вопросу «о существовании вещей вне нашего сознания, вызывающих

ощущения своим действием на органы чувств», указывал также В. И. Ленин: «Нельзя, — говорил он, — быть материалистом, не решая утвердительно этого вопроса, но можно быть материалистом при различных взглядах на вопрос о критерии правильности тех изображений, которые доставляют нам чувства»¹⁴³. Иероглифизм Плеханова представляет как раз такой случай. По мысли Плеханова, иероглифы не есть нечто произвольное, субъективное. Наоборот, он всячески подчеркивает их объективную природу, поскольку согласно коренным принципам его гносеологии «каждому изменению в объекте соответствует изменение его действия на субъект»¹⁴⁴. Настаивает Плеханов также и на соответствии иероглифов и мира вещей в себе, утверждая, например, что иероглифы точно обозначают формы и отношения объективного мира: «...Хотя существующее в моей голове „идеальное“ не похоже на то „материальное“, с которого оно „переведено“, но оно имеет тот же самый смысл, если только перевод сделан правильно. Критерием же правильности перевода служит опыт»; «...если бы между объективными отношениями и их субъективными изображениями („переводами“) в нашей голове не было бы правильного соответствия, то самое существование наше стало бы невозможным»¹⁴⁵. Соответствия иероглифов, идеального вообще миру вещей в себе, материальному Плеханов считал достаточным, «чтобы мы могли изучить действия на нас вещей в себе и в свою очередь воздействовать на них»¹⁴⁶.

В плехановской концепции основополагающего и решающего гносеологического значения форм чувственного созерцания, которая соответственно означала недооценку форм абстрактного мышления, находится также ключ к ответу на вопрос, почему Плеханова не было среди активных защитников марксистской теории отражения. Этот факт лишний раз свидетельствует о том, сколь поверхностной является критика марксистской теории отражения, когда ей заранее приписывается «пассивность» и «созерцательность». Плеханов не мог подняться

¹⁴¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 244—245.

¹⁴² См. там же, стр. 248.

¹⁴³ Там же, стр. 113.

¹⁴⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 438.

¹⁴⁵ Там же, стр. 445, 447.

¹⁴⁶ Там же, стр. 447.

до Марксовой теории отражения потому, прежде всего, что он не поднялся до уровня Маркса в критике созерцательности домарксистских форм материализма, включая фейербаховскую. Плеханов хорошо знал, что Маркс и Энгельс — сторонники теории отражения. Более того, он сам не раз повторял вслед за Энгельсом, что наши понятия представляют собой «отражения» процессов, совершающихся в природе. Но всякий раз, когда ему приходилось упоминать теорию отражения Маркса и Энгельса, он испытывал, по-видимому, определенные трудности. Марксист Плеханов не мог не понимать, что нельзя обойти стороной теорию, которую разделяли основоположники марксизма, что нужно объяснить эту теорию, поскольку критики марксизма, как он сам отмечал, очень «напирают» на нее, изображая ее как чистую нелепость. В предыдущих главах мы уже видели, как с конца XIX в. сражались с теорией отражения Маркса и Энгельса ее противники в России и за рубежом. Несколько раз собиравшись Плеханов высказаться относительно теории отражения Маркса и Энгельса, но так и не собрался.

3. О роли Г. В. Плеханова и его единомышленников в пропаганде философских и социологических идей «Капитала». Почему марксист Плеханов не понял вполне философское содержание «Капитала» полвека спустя после его выхода в свет?

Рассматривая выше некоторые принципиальные аспекты философии Г. В. Плеханова, мы постоянно ставили перед собой вопрос: если Плеханов развивает такие-то и такие-то идеи по проблемам диалектического метода, онтологии и гносеологии, то в каком отношении эти взгляды находятся к философским идеям «Капитала»?

Плеханов — первый русский марксист, указавший на огромное значение «Капитала» в развитии философии марксизма. Его стремление осмыслить философское содержание «Капитала» вполне соответствует той роли, которую он в конце XIX — начале XX в. играл как выдающийся философ-марксист не только в русском, но и международном социал-демократическом движении. Не случайно уже в начале XX в. в зарубежной литературе отмеча-

лось, что философский материализм как мировоззрение марксизма последовательнее всех социал-демократов защищают русские марксисты, Плеханов в том числе¹⁴⁷.

Особое значение Плеханов придавал популяризации высказывания Маркса в «Капитале» о диалектике как критической и революционной в своей сущности теории общественного развития. Памятуя о проходивших в то время спорах о соотношении в методе Маркса индукции и дедукции, Г. В. Плеханов, сославшись на высказывание в предисловии ко второму изданию «Капитала» о противоположности Маркса диалектического метода гегелевскому, подчеркнул, что «метод Маркса — одновременно и индуктивен и дедуктивен. Сверх того, он самый революционный из всех методов, какие когда-либо применялись»¹⁴⁸. В том же высказывании Маркса из «Капитала» Плеханов видел все значение «произведенной этим гениальным человеком философской революции»¹⁴⁹. Плеханов неоднократно приводил данное высказывание Маркса в подтверждение тезиса о принципиальном отличии диалектики Маркса от диалектики Гегеля. Для понимания философской стороны учения Маркса Плеханов рекомендовал в своем обобщающем труде «Основные вопросы марксизма» в первую очередь Марксову «характеристику материалистической диалектики — в ее отличии от идеалистической диалектики Гегеля», а также «многие отдельные замечания, мимоходом высказанные» в «Капитале»¹⁵⁰. Популяризация Плехановым диалектических идей «Капитала» — важная часть его борьбы в защиту философии марксизма. Его тезис о том, что в «Капитале» нашла свое отражение диалектика как критическая и революционная в своей сущности теория общественного развития, что метод «Капитала» является одновременно индуктивным и дедуктивным, что это диалектика материалистическая, которая в корне отлична от гегелевской диалектики и является свидетельством произведенной Марксом философской революции, все эти, как и другие — более частного характе-

¹⁴⁷ См. Г. Шульце-Геверниц. Маркс или Кант? СПб., 1909, стр. 17—18.

¹⁴⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 191.

¹⁴⁹ Там же, стр. 144.

¹⁵⁰ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III, стр. 126.

ра — оценки философских аспектов «Капитала», заслуживают вполне положительной оценки.

Совершенно очевидно, что наиболее продуктивно Плеханову удалось проанализировать и применить «Капитал» в плане исторического материализма. Но явно обращает на себя внимание немногочисленность высказываний Плеханова о «Капитале» с точки зрения его значения для развития диалектического метода марксизма, теории материализма и диалектики. Наконец, при обзоре плехановских оценок философских идей «Капитала» нельзя не заметить немаловажное обстоятельство: в суждениях Плеханова о материалистической диалектике как методе «Капитала» нет каких-либо принципиально новых идей, имеющих значение для развития теории марксистской диалектики.

И вот здесь-то в памяти возникает ленинский афоризм из «Философских тетрадей»: «Нельзя вполне понять „Капитала“ Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!»¹⁵¹

Относится ли эта мысль к Плеханову? Относится. Ведь именно Плеханов ничего по существу в своей жизни не писал о большой гегелевской «Логике», как выражался Ленин, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно о диалектике как науке)¹⁵². И не только не писал, но, как можно убедиться на основании изложенного выше, по принципиальным соображениям, в силу особенностей своей философской концепции он не мог проявить к этой гегелевской работе глубокого интереса: ни логические аспекты теории познания, ни диалектика как логика и как теория познания Плеханова, как мы видели выше, никогда всерьез не интересовали. Во всяком случае в его философской концепции нет практически никаких существенных предпосылок для выводов, хотя бы аналогичных тем, которые в связи с «Капиталом» сделал В. И. Ленин.

Аналогично обстоит дело и у представителей плехановской философской школы. Обращение к философским трудам Л. И. Аксельрод (Ортодокс) представляется в данном случае особенно необходимым, поскольку у нее есть специальная работа, посвященная анализу философских основ «Капитала». Речь идет о ее статье, написанной к 40-летию выхода в свет I тома «Капитала», —

¹⁵¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 162.

¹⁵² См. там же, стр. 248.

«Теория стоимости и диалектический материализм». Превосходство Маркса как экономиста над представителями буржуазной классической политической экономии Аксельрод видела в методе. Рикардо, самый блестящий представитель классической экономии, рассматривал капиталистические отношения односторонне, только под углом их бытия, но не с точки зрения возникновения и исчезновения. Он анализировал лишь готовые формы, а потому смотрел на капиталистические порядки как на естественный закон общественной жизни. Неполнота и неясность исследований Рикардо вытекает из недостатков его методологии. Иначе приступил к решению стоящих перед ним проблем Маркс. Аксельрод отмечает, что в «Капитале» Маркс выступает как материалист. Перевернув систему Гегеля и придя к выводу о том, что идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное, Маркс начинает исследование с материи, с объекта, «устраняя с самого начала сознание, психологию и всю субъективную надстройку, которая, согласно полученной им философской формуле, появляется *post factum*»¹⁵³. Но Маркс не только материалист, но и диалектик. Его анализ начинается не с готовых сложных форм общественной жизни, а с отдельного объекта, товара. У идеалиста Гегеля исходным пунктом анализа было понятие. Строго материалистический вывод о том, что сознание появляется *post factum*, находится в противоречии к исходной идеалистической посылке. Маркс устранил это противоречие. Он согласился с Гегелем в том, что ход развития совершается путем внутренних противоречий. Но встав на точку зрения материализма, он сделал диалектику содержательной, или, выражаясь точнее, понял истинное содержание диалектики. Диалектика Маркса есть теория развития. Это самое главное, что замечает Аксельрод в методе «Капитала».

Теория стоимости, справедливо писала Аксельрод, представляет блестящий, классический образец диалектического мышления и неоспоримое подтверждение правильности этого метода. «Теория стоимости и все ее звенья, представленные в «Капитале», — говорит она, — не логические абстракции, как это голословно утверждают буржуазные «критики», а на деле соответствуют действи-

¹⁵³ Л. И. Аксельрод (Ортодокс). Против идеализма. М.— Пг., 1922, стр. 97.

тельной истории развития обмена и истории эквивалента. Метод, выведенный Марксом из разума действительности, дал ему острое оружие к пониманию действительности и проникновению во все ее скрытые формы»¹⁵⁴. Конечно, верно, категории «Капитала» не пустые логические абстракции, как хотели это представить некоторые критики Маркса. Но ведь Маркс в «Капитале» не ограничивается чистым эмпирическим анализом действительности. Система понятий и категорий «Капитала» — логическое резюме истории капитализма. Аксельрод же не знала, по-видимому, Марксовы определения метода восхождения от абстрактного к конкретному, и ее полемика с критиками «Капитала» в данном случае оказалась несколько односторонней, хотя и полезной применительно к условиям России начала XX столетия.

Как и Плеханов, Аксельрод выразила отношение к идее Маркса, высказанной в «Капитале», о том, что человек, взаимодействуя с природой, изменяет и свою собственную природу. Поскольку интерпретация этого положения связана у Аксельрод с проблемой «субъект — объект», она дает возможность еще раз взглянуть на существо той философской позиции, с которой ученица Плеханова оценивала «Капитал». Ученица и помощница Плеханова не раз справедливо критиковала идеалистические и метафизические представления о созерцательном познающем субъекте, утверждения о том, что в душе человека живет «метафизическая потребность», постоянная любознательность, стремление к обобщению, к исканию первой причины. Что же противопоставляется ею идеалистической гносеологии? Критикует она эту гносеологию с позиции концепции субъект-объектных отношений в духе Плеханова.

Внешняя, действительная природа, утверждает Аксельрод, является первой, необходимой предпосылкой всего построения Маркса. Эта природа — не продукт сознания и не комплекс субъективных ощущений человека. Человек является ее частью. В процессе воздействия на природу человек изменяет свою собственную природу. В постоянном взаимодействии с окружающей природой растут, развиваются, усложняются и совершенствуются субъективные силы человека, его понимание окружающего мира, его сознание. В природе человек находит некоторые орудия гото-

¹⁵⁴ Д. И. Аксельрод (Ортодокс). Против идеализма, стр. 103.

выми, затем он с помощью найденных орудий начинает производить орудия самостоятельно, комбинируя, видоизменяя данную природой материю. Но «орудия труда лежат в основе материалистического понимания истории», «орудиями и степенью их развития определяется историческое движение и общественное строение всякой данной эпохи», следовательно, очевидна «неразрывная, органическая связь, существующая между философским и историческим материализмом»¹⁵⁵. Материалистическое понимание истории учит, что движущей силой исторического развития является не дух, не чистое сознание, не субъективные ощущения, а видоизмененная человеком реальная, действительная природа — орудие труда. Если уничтожить фундамент здания, вычеркнуть действительность природы и согласиться с идеалистами, что человек не часть природы, а ее создатель, что бытие природы — не истинное бытие, а плод субъективного сознания или субъективных ощущений, то «от всей системы Маркса не останется ни одного атома»¹⁵⁶. Человек побуждается к познанию не прирожденной любознательностью, не исканием истины и вообще не психологическими мотивами, а конкретной, реальной деятельностью, борьбой с внешней материальной природой — что служит коренным источником развития человеческой психологии, познания и мышления¹⁵⁷. Эта на вид ясная, простая и элементарная истина и раскрыта Марксом; «...С точки зрения материалистической философии Маркса человек — часть природы. Как сила природы он действует на другие силы природы, действующие, в свою очередь, на него. В этом процессе постоянного взаимодействия человек познает природу, окружающие вещи, их бесконечные свойства и здесь, стало быть, коренной источник роста и развития человеческого сознания»¹⁵⁸. По Марксу, продолжает Аксельрод, человек с помощью орудий труда увеличивает свои органы, и в зависимости от качественного и количественного роста и развития этих прибавочных органов он разгадывает скрытые силы природы, ее законы, приобретает знание, а тем самым — власть над окружающей его средой. Если дикарь взял предмет и приспособил

¹⁵⁵ Д. И. Аксельрод (Ортодокс). Против идеализма, стр. 105.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же, стр. 63.

¹⁵⁸ Там же, стр. 62.

его к своим непосредственным потребностям, то он «узнал естественные свойства вещей и положил основу естествознанию и даже философскому закону причинности»¹⁵⁹.

На языке гносеологическом такая интерпретация «Капитала» соответствует концепции, изложенной Аксельрод в печально знаменитой ее рецензии на «Материализм и эмпириокритицизм», в которой она утверждала, что проблеме «субъект — объект» можно решить, лишь исходя из теории символов, и отвергала теорию отражения. «Теория символов, утверждая существование и субъекта, и объекта, объединяет оба фактора, рассматривая субъект, как своеобразный объект, а его ощущения, как продукт взаимодействия между двумя объектами, из которых один есть в то же время и субъект. На этой именно объективной и монистической точке зрения стоит современная наука»¹⁶⁰. В теории же отражения, в учении о том, что ощущение является образом, приблизительно верной копией вещи, Аксельрод усматривала дуализм, платонизм наизнанку. Если бы ощущения были образами или копиями вещей, то, по ее мнению, вещи в таком случае оказались бы вещами в себе в абсолютном смысле слова. Полемизируя с точкой зрения В. И. Ленина (а тем самым она выступала также против Маркса и Энгельса, которые разделяли принципы теории отражения), Аксельрод утверждала, что «признать ощущения образами или копиями предметов значит снова создавать непроходимую дуалистическую пропасть между объектом и субъектом»¹⁶¹. Как и у Плеханова, особенно слабым пунктом оценок «Капитала» у Аксельрод оказалось неумение применить диалектику к теории познания. Аксельрод проявила непонимание Марксовых взглядов на роль абстрактного мышления, не задумалась над логическими аспектами метода «Капитала» и в целом была очень далека от понимания того, что в «Капитале» применена к одной науке одновременно диалектика, логика и теория познания материализма.

¹⁵⁹ Л. И. Аксельрод (Ортодокс). Против идеализма, стр. 62.

¹⁶⁰ *Ортодокс* [Л. И. Аксельрод]. Вл. Ильин. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Издание «Звено». Москва, 1909. — «Современный мир», 1909, № 7, стр. 208.

¹⁶¹ Там же.

Школа Плеханова сознательно и убежденно стремилась следовать принципам диалектического и исторического материализма Маркса — Энгельса, она сыграла важную роль в деле систематизации диалектического и исторического материализма, в разъяснении и пропаганде законов и категорий диалектики, принципов философского материализма, материалистической теории познания, законов и категорий исторического материализма. Это обстоятельство вполне определенно характеризует школу, в отличие, скажем, от школы Богданова, открыто и сознательно ревизовавшей философию диалектического материализма. В этом своем качестве плехановская школа примыкала к философской традиции, идущей от Маркса и Энгельса, а ее представители были союзниками В. И. Ленина, его соратников и единомышленников, приверженцев диалектического материализма.

Велики заслуги Плеханова и его школы в философском истолковании «Капитала». Идеи «Капитала» Плеханов и его единомышленники взяли на вооружение в борьбе за утверждение диалектического и исторического материализма в качестве философии марксизма, в качестве основы цельного, гармонического и последовательного марксистского мировоззрения. Плеханов справедливо доказывал, что диалектико-материалистические философские идеи Маркса и Энгельса несовместимы ни с какой формой философского ревизионизма, что тщетными являются попытки подменить философский материализм какой-либо разновидностью субъективного идеализма, например, неокантианством или махизмом, необеркклеанством, неокюмизмом. Опираясь на «Капитал» и другие сочинения основоположников научного коммунизма, Плеханов разъяснял и популяризировал превосходство диалектического метода над метафизикой, превосходство диалектики как теории развития над традиционными эволюционными учениями. Плеханов был сознательным защитником принципов материализма, материалистического решения основного вопроса философии, исходного материалистического положения о первичности объекта, природы, материального, и вторичности субъекта, мышления, сознания. В полемике с субъективно-идеалистическими и объективно-идеалистическими философскими концепциями Плеханов и его школа

многое сделали для защиты материалистической теории познания, разрабатывая категорию материи в качестве исходной гносеологической категории, исследуя формы живого созерцания (ощущения прежде всего) как источника человеческих представлений о мире, увязывая теорию познания диалектического материализма с данными биологии, психологии и других конкретных наук. Плеханов защищал идеи Энгельса (и Гегеля) о соотношении формальной и диалектической логики. Для школы Плеханова диалектический материализм являлся философией действия. Не случайно поэтому Плеханов рассматривал диалектику как алгебру прогресса, алгебру революции; он и его единомышленники немало сделали для практического применения диалектического метода к потребностям российского освободительного и революционного движения.

Впервые после Маркса и Энгельса Плеханов указал на органическую связь всех составных частей марксизма — диалектического и исторического материализма, политической экономии и теории научного социализма. В его представлении материалистическое объяснение истории имеет прежде всего методологическое значение. Это означает, что исторический материализм не ищет причин отдельных общественных явлений, а указывает на то, как надо подходить к открытию этих причин. Иными словами, исторический материализм занимается не арифметикой общественного развития, а его алгеброй. «Капитал» Маркса служил здесь Плеханову блестящим примером. Наиболее плодотворно Плеханов использовал идеи «Капитала» именно в борьбе за материалистическое понимание истории, историческую и экономическую доктрину марксизма. Он первым в России указал на «Капитал» как на сочинение, окончательно обосновавшее теорию научного социализма, и первым применил его методологию к анализу российских экономических и социально-политических условий, наметил в общем виде перспективу будущих социалистических преобразований в стране. «Капитал» дал Плеханову мощные аргументы для критики идеалистических концепций исторического процесса и вульгарно-экономических искажений исторического материализма, особенно в плане проблемы соотношения общественного бытия и общественного сознания, экономики и политики, базиса и надстройки. Впервые после Маркса и Энгельса Плеханов изложил материалистическое понимание истории

на адекватном языке Марксовых социологических категорий: общественное бытие и общественное сознание, способ производства, производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка, общественно-экономические формации, классы и классовая борьба, причинность и необходимость в истории, социальная революция и т. д. Немалым явился и творческий вклад Плеханова в марксистское решение таких проблем, как относительная самостоятельность идеологии, общественного сознания, передовых идей в жизни общества, роль социальной психологии в формировании идеологии, взаимосвязь психологии и идеологии с экономическим базисом общества, роль литературы и искусства, этических и эстетических концепций в жизни общества. Плеханов был также выдающимся историком материальной и духовной культуры, историком философии, в том числе историком марксистской философии.

Борьба Плеханова в защиту диалектического материализма, против субъективно-идеалистической и позитивистской философии народничества, неокантианской и махистской ревизии философии марксизма справедливо получила высокую оценку В. И. Ленина и других философов-марксистов. Ленин справедливо считал Плеханова самым знающим по философии марксизма социалистом. И не случайно в 1921 г. В. И. Ленин заявлял, что *«нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать... все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»*¹⁶².

Высоко оценивая заслуги Плеханова, Ленин вместе с тем не раз отмечал ряд его существенных философских ошибок, особенно сказавшихся в его практически-политической деятельности. Приведенный выше материал, как нам кажется, убедительно доказывает, что в философской концепции Плеханова было немало изъянов, несомненными являются также и ограниченные пределы использования Плехановым идейного богатства «Капитала» для защиты и развития материалистического понимания истории и особенно материалистической диалектики.

Дело не только в том, что Плеханов обрацался к диалектическим идеям «Капитала» по большей части мимоходом, несистематически. Просто его собственная фило-

¹⁶² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 290.

софская позиция не давала ему возможности до конца осознать всю глубину диалектико-материалистической методологии «Капитала» и соответствующим образом использовать его философское богатство. Ученица Плеханова — Аксельрод специально занималась философским анализом «Капитала». Но значительное количество страниц, посвященных анализу философских идей «Капитала» (при всей их ценности применительно к конкретно-историческим условиям России начала XX в.), ни в коей мере не означали нового качества в философской интерпретации «Капитала». Исходные методологические посылки у Аксельрод в начале XX в. были весьма близкими к философским взглядам Плеханова. В полемике Аксельрод с «Материализмом и эмпириокритицизмом», в ее рецензии на труд В. И. Ленина проявились слабости не только автора рецензии, но и слабости всей философской школы Плеханова.

Вся совокупность фактов истории марксистской философии в России конца XIX — начала XX в., рассмотрение взглядов школы Плеханова в широком историческом контексте, в сопоставлении и в сравнении с другими концепциями философии марксизма дают основание выделить ряд таких черт этой школы, которые были характерными лишь для нее и представляют ее оригинальные особенности со всеми ее плюсами и минусами.

Философия школы Плеханова очень характерна своей преимущественной направленностью против философского субъективизма. Исторически сложилось так, что своими главными противниками Плеханов и его единомышленники считали именно философов-субъективистов. В этом смысле философию школы Плеханова можно было назвать по преимуществу «философией объективного». Постулаты о материальном бытии, природе, объекте являются для школы Плеханова исходными при развертывании всей философской системы. В центре внимания школы — также проблемы объективного характера форм и законов бытия. Плеханов и его единомышленники поглощены по преимуществу проблемой воздействия объекта на субъект, на человеческие чувства, гносеологическую ролью форм живого созерцания, в первую очередь ощущений, которые кладутся ими в основу знаний о мире. Соответственно на втором плане у них остались проблемы субъективной диалектики, субъективных аспектов процесса поз-

нания, вопрос об активной роли познающего субъекта; школа Плеханова при этом в известной степени переоценивала познавательное значение форм живого созерцания и недооценивала формы абстрактного мышления и даже вообще гносеологию, усматривая в ней угрозу впасть в теоретико-познавательную схоластику. Недаром Плеханов неумеренно сближал и даже отождествлял гносеологию Маркса и гносеологию Фейербаха, у которого эта часть философии отнюдь не была самой сильной. Несколько перефразируя слова ленинского конспекта «Науки логики», можно сказать, что философия Плеханова — это диалектизированная разновидность «философии материальной субстанции», в которой, как и во всякой «философии субстанции», нет субъекта свободного, самостоятельного, сознательного. Точка зрения «философия субстанции», писал Ленин, очень высока, но неполна, не самая высокая. Такая особенность плехановской философии означает ее некоторый крен к онтологизму и натурфилософии и, соответственно, известное невнимание к ряду коренных проблем диалектико-материалистической теории познания.

Хотя все представители школы Плеханова подчеркивали, что душой марксизма является диалектический метод, не учение о методе, а теория материализма была наиболее сильной стороной их философии. Отношение школы Плеханова к диалектическому методу «Капитала» доказывает это самым очевидным образом. В «Капитале» диалектический метод выступает в качестве логико-гносеологического метода, являющегося исправленным историческим методом, отражающим объективную диалектику общественной жизни. Здесь метод выступает именно как метод получения нового знания, в качестве науки о высшей форме мышления, «теории законов мышления», «метода объяснения», помогающего систематически «упорядочить» добываемый конкретный научный материал; диалектика выступает применительно к области политической экономии как логика и теория познания материализма. Однако диалектику как высшую форму мышления, как логику и теорию познания материализма школа Плеханова разрабатывала слабо. Если к тому же учесть, что Плеханов и его единомышленники сознательно игнорировали материалистический принцип отражения (их «иероглифическая ошибка» отнюдь не была случайной-

стью), то становится очевидным, что в их философии предпосылок для адекватного воспроизведения и глубокого понимания сути диалектического метода «Капитала» было весьма немного.

Оценки Плехановым социологических идей «Капитала» свидетельствуют не только о позитивных аспектах его концепции, но и о некоторых ее изъянах. Хотя Плеханов не раз говорил о методологическом значении материалистического понимания истории, плодотворно применил этот метод ко многим областям, он вместе с тем зачастую не умел использовать исторический материализм как метод исследования реальной исторической действительности. Хотя Плеханов однажды заявил, что исторический материализм есть лишь метод познания истины в области общественных явлений, социологическое учение Маркса выступало у него и как «философия истории». Влияние интерпретации исторического материализма как материалистической философии истории проявилось в известной недооценке Плехановым членения всеобщей истории человечества на преобладающие друг с другом, но все-таки различные общественно-экономические формации, в упрощении диалектики производительных сил и производственных отношений, диалектики перехода от законов природы к законам истории, соотношения всеобщих и специфических законов общественного развития. В «философии истории» Плеханова мы обнаруживаем такие черты, как известная дань «экономическому материализму», некоторое преклонение перед «стихийным ходом вещей» в историческом процессе, недооценка субъективного фактора, следовательно, элементы пассивности и созерцательности, которые вылились на практике в плехановский меньшевистский оппортунизм, его тактику «пассивного зрительства». У всех этих черт «философии истории» Плеханова есть гносеологические эквиваленты, которые, собственно говоря, дают плехановской философско-исторической концепции теоретическую санкцию.

Философия Плеханова исторически обусловлена. Можно сказать, что такая форма философии во многом была достаточной в реальных условиях идейно-философской борьбы в российском и мировом социал-демократическом движении конца XIX — первых лет XX в., когда на первый план выступала потребность борьбы с философ-

ским ревизионизмом, сначала неокантианского, а затем махистского толка, за материализм по преимуществу. В этих конкретно-исторических условиях философия школы Плеханова выступала в первую очередь своими сильными сторонами. В целом позитивную роль играли и такие элементы этой философии, которые были внесены в философию марксизма лично Плехановым и его единомышленниками.

Однако со временем плехановская философия стала все более и более демонстрировать свою исторически обусловленную ограниченность; в ней обнаруживались разного рода теоретические слабости и ошибки. В практически-политическом отношении недостатки философии Плеханова проявились с полной очевидностью уже в ходе революции 1905 года. Именно тогда В. И. Ленин справедливо отметил, что тактический оппортунизм Плеханова-меньшевика «есть сплошное отрицание основ марксистского метода»¹⁶³. В период от труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» до его же «Философских тетрадей» недостаточность плехановской философии выявилась с полной очевидностью и в собственно теоретическом плане.

В особенностях философии Плеханова и его единомышленников мы находим, таким образом, ключ к ответу на вопрос, почему плехановское понимание, истолкование и применение философских и социологических идей «Капитала», несмотря на большие заслуги первого русского марксиста в их популяризации, имели ограниченный масштаб.

¹⁶³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 227.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	5
<i>Философские и социологические идеи «Капитала» и их влияние на русскую домарксистскую мысль</i>	11
<i>1. Диалектический метод «Капитала» и русская мысль 70—80-х годов XIX в.</i>	18
Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса. О мнимом «гегельянстве» автора «Капитала»	19
Диалектический метод и конкретное политико-экономическое содержание «Капитала». О мнимом «априоризме» Маркса	24
Революционная диалектика или плоский эволюционизм? О мнимом «объективизме» Маркса	32
<i>2. «Капитал» и домарксистская социология в России</i>	39
Исторические судьбы русского капитализма и проблема применимости социологических идей «Капитала» в России. «Отражение» социологии марксизма в народнической литературе 70—90-х годов XIX в.	49
Ранние формы «отражения» социологии марксизма в русской буржуазно-либеральной литературе	76
Российский буржуазный либерализм XIX в. и Марксова теория научного социализма	81
Революционно-социалистические выводы из «Капитала» и народнический «социализм»	93
<i>Либерально-буржуазное и народническое отношение к философским и социологическим идеям «Капитала» в эпоху империализма</i>	107
<i>1. О материалистических и диалектических идеях «Капитала»</i>	111
Между гегелевской диалектикой и диалектикой Маркса нет никакой органической связи?	111

Философский материализм Маркса и теория стоимости	118
Неокантианство — мнимая альтернатива диалектико-материалистическим основам «Капитала». Первые попытки критики Марксовой теории отражения	123
О соотношении абстрактно-аналитического, индуктивного и дедуктивного методов в «Капитале»	131
2. О социологических идеях «Капитала»	144
Попытки истолкования социологической концепции «Капитала» в духе «экономического материализма» и «философии (метафизики) истории»	144
Марксово учение о базисе и надстройке, производительных силах и производственных отношениях, объективном и субъективном факторах исторического процесса в буржуазно-либеральной и неонароднической литературе конца XIX — начала XX в.	148
Российский буржуазный либерализм XX века в борьбе против революционных и социалистических выводов из «Капитала»	155
<i>«Капитал» и философская школа Г. В. Плеханова</i>	168
1. Проблемы исторического материализма	170
Первый марксистский опыт применения теории и метода «Капитала» к условиям России	170
«В «Капитале» изложена вся философия истории Маркса...»	177
Плехановская материалистическая философия истории и концепция производительных сил как основной причины общественно-исторического прогресса в свете социологического содержания «Капитала»	184
«Материалистическое объяснение истории представляет собою <i>только метод</i> , ведущий к познанию истины в области общественных явлений, а не конгломерат готовых, законченных выводов». Почему первый русский марксист не верил в близкую возможность социалистического правительства в России ни в 1883, ни в 1905, ни в 1917 гг.?	202
2. Проблемы диалектического метода и философского материализма	209
Плехановская концепция диалектики и метод «Капитала»	210
Онтология и гносеология Г. В. Плеханова в свете диалектико-материалистических принципов «Капитала» и других философских трудов Маркса и Энгельса	215
3. О роли Г. В. Плеханова и его единомышленников в пропаганде философских и социологических идей «Капитала». Почему марксист Плеханов не понял вполне философское содержание «Капитала» полвека спустя после его выхода в свет?	236
<i>Влияние махизма и других позитивистских течений на отношение к философским и социологическим идеям «Капитала» А. А. Богданова и его единомышленников</i>	250

1. Методологические проблемы политической экономии и социологии	252
2. Проблемы философии	274
<i>«Капитал» и ленинская концепция диалектического и исторического материализма</i>	299
1. В. И. Ленин об историческом материализме как методологической теории и основе марксистской научной социологии	302
2. «Капитал», метод исторического материализма и марксистская научная социология. Вклад В. И. Ленина в разработку марксистского учения об общественном развитии как естественноисторическом процессе, об общественно-экономических формациях, о диалектике общих и специфических законов истории, базисе и надстройке, производительных силах и производственных отношениях	307
3. На пути к выводу о тождестве диалектики, логики и теории познания материализма как одном из принципов марксистской философской теории и методологической основе «Капитала»	318
4. «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв все й Логике Гегеля...»	345
5. Ленинские принципы органической связи марксистской теории с революционной практикой и проблема применения идей «Капитала»	352
<i>Заключение</i>	364